

Вестник
АЛЬЯНС-АРХЕО

Вестник
АЛЪЯНС-АРХЕО

3

Москва
Санкт-Петербург
2014

Вестник «Альянс-Архео». Вып. 3. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. — 59 с.

ISBN 978-5-98874-094-0

Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» начинает выпуск нового электронного издания, на страницах которого предполагается размещение материалов, посвященных рассмотрению представляющихся значимыми вопросов историографии, археографии и методики исторических исследований.

Редактор *С. Н. Кустерев*

*Вестник «Альянс-Архео» издается научно-исследовательским
и издательским объединением «Альянс-Архео»
и распространяется исключительно в электронном виде*

В. В. Бочкарев

К ВОПРОСУ О ЗАКОННОСТИ «ПОСУЛОВ» В ДРЕВНЕРУССКОМ ПРАВЕ XIV–XV вв.

«А посулять болшему наместнику (при исполнении им обязанности судьи. — *В. Б.*), а двема третником то же, а тиуну великого князя что посулят. А у заповеди, [ч]то у торгу кличить, наместнику большему с двема третники по третем же, а тивуну великого князя нет ничего у заповеди. А у поля ему вяжщего треть, а пересуда треть ж, да что посулять. А у душегубства ему вяжщего треть, да что посулят...»,¹ — эти строки «Записи что тянет душегубством к Москве» с л. 66 об. сборника Q.XVII.58² Отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге сформировали в отечественной историографии устойчивое мнение о том, что взяточничество в суде, дача и получение «посулов»-взяток были не просто обычным и распространенным делом, но и вполне законным явлением в законодательстве некоторых русских земель вплоть до конца XV в.

При всей невероятности подобного вывода, он напрашивается сам собой, ведь «Запись» считается в исторической литературе официаль-

¹ ПРП. Вып. 3. М., 1955. С. 167–169; АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 12. С. 27–28; Российское законодательство X–XX вв. (далее — РЗ). Т. 2. М., 1985. С. 187–189.

² Конволютный сборник смешанного содержания. Блок тетрадей, в составе которого сохранился единственный список «Записи что тянет душегубством к Москве», датируется по филиграммам концом 60-х — концом 70-х годов XV в. Из трех близких друг другу вариантов водяного знака «голова быка с мачтой и косым крестом» только один имеет точный аналог в альбомах (*Тромонин К. Я. Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844. № 1556, русская рукопись 1472 г.*). Последние по времени краткие описания сборника даны в работах Ю. Г. Алексеева, Б. М. Клосса и В. А. Кучкина (*Алексеев Ю. Г. «Запись что тянет душегубством к Москве». Некоторые вопросы датировки и содержания // Российское самодержавие и бюрократия. Новосибирск, 2000. С. 51–55; Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 97–98; Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 272–274).*

ным законодательным актом («грамотой», «указом», «судебником», ну или хотя бы «протосудебником»)³ Следовательно, приведенная выше монотонная роспись «посулов» из ее «статьи 4», так называемого «пошлинного устава», является ничем иным, как данной законодателем санкцией на получение судьями и представителями судебного аппарата дополнительного вознаграждения с истцов и ответчиков, то есть попросту взятки.

Оспаривать официальность «Записи что тянет душегубством» пока еще никто не решился, поэтому, чтобы примирить ее данные с невозможностью присутствия в законодательстве прямого разрешения на взяточничество (а именно им являются любые формы «добровольно-договорных» отношений представителей власти с преступниками, истцами и ответчиками), в отечественной историографии по умолчанию⁴ было принято два варианта интерпретации факта позитивного упоминания слова «посул» в древнерусских источниках.⁵ Большая часть исследователей использует для определения «посула» описательные формулировки вроде «частное вознаграждение, результат сделки между судьей и участником процесса, причем вознаграждение, размер которого не регулируется никаким законом».⁶ По сути, это чистый эвфемизм для взятки, но, с первого взгляда, выглядит вроде бы более благопристойно. Согласно второму варианту толкования «посула», его значение сужается. Он трактуется только как некое добровольно даваемое судьям и судебным чиновникам сверх

³ Карамзин Н. М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. 5. М., 1993. С. 389–390. Примеч. 402; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. М., 1951. С. 351–358; Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 63; Аракчеев В. А. «Запись о душегубстве». Административно-судебная практика великих московских князей в XV в. // Известия Уральского государственного университета. № 59. 2008. Гуманитарные науки. Вып. 16. С. 25–37.

⁴ При разборе вопросов, связанных с «легальностью посулов», в отечественной историографии установилось не характерное для нее правило избегать традиционных обзоров наработок предшественников. Каждый исследователь начинает разработку проблематики как бы заново, в лучшем случае, давая пару ссылок на мнения тех, кому он оппонирует.

⁵ Чтобы потом к нему не возвращаться, укажем на третий, достаточно курьезный вариант. П. Н. Мрочек-Дроздовский, один из крупнейших дореволюционных специалистов по древнерусскому праву, весьма легковесно подошел к «Записи что тянет душегубством» как к исчерпывающему «полному своду законов». Не найдя в ней данных о судебных пошлинах, идущих судьям (кроме пересуда), он решил, что под общим именем «посулов» скрывались все иные судебные пошлины, которые в каждом конкретном деле устанавливались отдельно: тяжущиеся «сулили» судьям, а те принимали или требовали больше (Мрочек-Дроздовский П. Н. Памятники русского права времени местных законов. М., 1901. С. 77).

⁶ Последнее подробное изложение такого взгляда на «посулы»: Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 186–190.

официально установленных «уроков» вознаграждение со стороны тяжущихся, которое причиталось не за результат рассмотрения дела, а только за сам факт проведения судебного процесса.⁷ Однако сразу отметим, что древнерусское общество различало подобную «бытовую коррупцию», терпимую моралью и правом, и злостное нарушение законодательства из корыстных побуждений. Проявления первой назывались «почестью», «дарами», «гостинцами», «поминками». Под «посулами» же понимались именно выплаты за конкретный исход дела.⁸

Таким образом, необходимо прямо признать, что в случае оправданности мнения о законности «посула» как взятки (пусть и под вывеской «добровольной платы по договоренности») судьям и другим должностным лицам судебного аппарата русское право XIV–XV вв. ставится в совершенно исключительное положение по отношению к обычному праву и законодательству других стран и народов. Ведь с момента зарождения института суда одним из его краеугольных устоев была и остается беспристрастность.⁹ Речь, естественно, идет о писанных правовых нормах, а не о степени коррумпированности суда в той или иной стране в тот или иной период ее истории. Реальная жизнь, к сожалению, всегда и везде отличается от деклараций.

Помимо цитированной «Записи что тянет душегубством», укоренению мнения о законности «посулов» в удельную эпоху русской истории способствовало то, что только составленный при великом князе Иване Васильевиче Судебник 1497 г. (далее — ВКС) содержит всеобъемлющие, многократные и не допускающие иных толкований запреты на дачу и получение «посулов».¹⁰ Все остальные более ран-

⁷ Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986. С. 173; Кистерева С. Н. Исследование Ю. Г. Алексева о Судебнике 1497 г. // ОФР. Вып. 6. М., 2002. С. 247–248.

⁸ К сожалению, проблема бытования в древнерусском языке слова «посул» и его производных в «коррупционных» значениях, а также лексики, связанной с «бытовой коррупцией», пока еще недостаточно разработана в специальной исторической и филологической литературе. Однако для конца XVI–XVII вв. показания источников неплохо обобщены П. В. Седовым (*Седов П. В. Подношения в московских приказах XVII в. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 139–148*).

⁹ Если не коллекционировать упоминания о запрете судебных взяток в законах Хаммурапи и египетских фараонов, «Артхашастре» и римском праве, то достаточно указать на их наличие в «варварских правдах» и сборниках феодального права типологически более близких русским княжествам королевств Западной Европы V–XIII вв. (*Ширяев В. Н. Взятничество и лиходействие в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916. С. 294–300*).

¹⁰ Судебники XV–XVI вв. М.; Л., 1952. С. 19, 23–24, 28; ПРП. Вып. 3. С. 346, 351, 352, 357; РЗ. Т. 2. С. 54, 58, 59, 62.

ние упоминания «посулов» в других русских правовых источниках XIV–XV вв. либо имеют нечеткий характер, допускающий прямо противоположные толкования, либо их запретительное действие характеризуется узкой направленностью. Корпус ранних законодательных памятников, содержащих упоминания «посулов», состоит, собственно, из следующих документов: Двинская уставная грамота (далее — ДУГ),¹¹ Псковская судная грамота (далее — ПСГ)¹² и Новгородская судная грамота (далее — НСГ),¹³ договорная грамота Великого Новгорода и тверского великого князя Бориса Александровича 1446–1447 гг.,¹⁴ проект договора Великого Новгорода с королем польским и великим князем литовским Казимиром IV 1470–1471 гг.,¹⁵ московская грамота в составе Коростынского договора о мире Великого Новгорода и великого князя Ивана Васильевича 1471 г.,¹⁶ отдельные жалованные несудимые грамоты.¹⁷ В большинстве из них оговаривается, например, недопустимость принятия «посулов» для какой-то конкретной категории судей или при каком-то одном судебном действии. Кроме записи о московском суде, только шесть несудимых грамот содержат позитивные упоминания неких «посулов», регламентируя их распределение между участниками смешанного судопроизводства.

Переходя к обзору историографии вопроса, необходимо отметить, что тема «легальности взяток» в русском праве не пользовалась популярностью у историков, возможно, из-за своей очевидной сомнительности. Ее либо игнорировали, либо рассматривали мимоходом в работах общего характера¹⁸ или, преимущественно, в комментариях к публикациям источников. При этом практически все авторы избегали составления хотя бы кратких историографических обзоров.

Первые специальные исследования о коррупции и борьбе с ней в России вообще не касались проблемы позитивного упоминания

¹¹ ПРП. Вып. 3. С. 163; АСЭИ. Т. 3. № 7. С. 21; РЗ. Т. 2. С. 181, 182.

¹² ПРП. Вып. 2. М., 1953. С. 286, 292; РЗ. Т. 1. М., 1984. С. 334, 336.

¹³ ПРП. Вып. 2. С. 215; РЗ. Т. 1. С. 306.

¹⁴ ГВНП. М.; Л., 1949. № 20. С. 37–38.

¹⁵ ГВНП. № 77. С. 130; ПРП. Вып. 2. С. 248.

¹⁶ ГВНП. № 27. С. 50–51; ПРП. Вып. 2. С. 258.

¹⁷ АСЭИ. Т. 2. М., 1958. № 191. С. 122–123; № 192. С. 124; № 340. С. 339; АСЭИ. Т. 3. № 118. С. 155; № 158. С. 174; № 190. С. 204.

¹⁸ См., например: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы... Ч. 2. С. 325; Судебники... С. 46, 47; *Леонтьев А. К.* Право и суд // Очерки русской культуры XIII–XV вв. Ч. 2. М., 1969. С. 47–48; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 123; Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. С. 173; *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III. С. 186–190.

«посулов» в «Записи что тянет душегубством» и его сравнения с другими показаниями источников.¹⁹ Едва ли не единственным, остановившимся на ней дореволюционным историком-правоведом, был М. Ф. Владимирский-Буданов. Сопоставив показания «губной московской записи» (одно из распространенных названий «Записи что тянет душегубством») и Судебника Ивана Великого и даже не привлекая данные других источников, он был вынужден сделать вывод о том, что еще перед самым изданием ВКС в московском праве «посул» был явлением совершенно законным, «деянием дозволенным».²⁰ При этом «посул» был истолкован как «неопределенная плата судье по условию с тяжущимся».

После начала в 1930-х годах масштабной работы по созданию комментированных публикаций древнерусских памятников по истории права уйти от задачи выяснения того, чем же все-таки являлся «посул», было невозможно. С учетом «неопровержимого» свидетельства московской «Записи» практически общепризнанным стало мнение, что под «посулом» разные источники понимали разное: 1) незаконный подбор судьи с истца или ответчика, взятку; 2) законную добровольную плату судье со стороны тяжущихся, не оговоренного правом размера. Однако по вопросу о конкретном распределении упоминаний «посулов» по этим двум категориям единства мнений у исследователей не было.

Первым раздел «посулов» правовых источников между двумя категориями произвел Л. В. Черепнин. По его мнению, «посулы» новгородских и псковских источников, а также в Двинской уставной грамоте — запрещенные законом взятки. Напротив, «посулы» записи о московском суде — легальная и добровольная плата судье по договоренности.²¹ Сопоставив показания «Записи» и ВКС с данными Двинской уставной грамоты, ПСГ, НСГ, новгородских докончаний с Москвой, Литвой и Тверью, исследователь пришел к выводу о том, что только в «губной московской записи» упоминание «посулов» имеет позитивный характер. Следовательно, только в ней они могут считаться не запрещенным законом частным вознаграждением судье от истца или ответчика. Во всех остальных источниках, по мнению

¹⁹ Анциферов К. Д. Сборник статей и заметок по уголовному праву и судопроизводству. СПб., 1898. С. 111–119; Ширяев В. Н. Взятничество и лиходеительство... С. 71–80.

²⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 404–405; Христоматия по истории русского права. Вып. 2. Киев; СПб., 1887. С. 70 («Запись что тянет душегубством» датировалась тогда временем около 1485 г.).

²¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... Ч. 2. С. 325; Судебники... С. 46, 47.

Л. В. Черепнина, перед нами упоминание взяток, естественно, запрещенных и преследуемых.

Резкое противопоставление «посулов» московской «Записи что тянет душегубством» «посулам» других источников, в целом, не было принято в историографии. С одной стороны, исходя из «установленной» легальности «посулов» в Москве, историки начали сомневаться в верности однозначного толкования «посулов» как взяток и, соответственно, их запрета в Пскове и Новгороде. При этом происходило полное иногда переосмысление одних свидетельств и сужение значения других. Так, уже в комментариях А. А. Зимина к публикациям указанных источников в «Памятниках русского права» прослеживаются отличия, но еще непоследовательные, от подхода Л. В. Черепнина. Выражается это в отказе рассматривать негативные упоминания «посулов» в северо-западных источниках как свидетельства общей незаконности «посулов» в псковском и новгородском законодательствах. Например, одно из упоминаний «посула» в ПСГ историком было причислено одновременно и к упоминаниям взятки, и к упоминаниям «законного вознаграждения судье». ²² Характерен и своеобразный «правовой нигилизм», выразившийся в толковании «тайных посулов» из ст. 4 ПСГ как «незаконных взяток», ²³ то есть существовали и «законные взятки».

Другим направлением корректировки черепнинской схемы стало стремление ослабить степень обвинения в адрес раннего московского права за счет истолкования «посула» не как платы со стороны тяжущегося за вынесение решения в его пользу, а как вознаграждения за то, что судья произвел само рассмотрение дела. Наибольшее развитие данная тенденция получила в работах С. И. Штамм. В ее вышедших практически одновременно комментариях к ВКС и разделе об уголовном праве в коллективной монографии «Развитие русского права в XV — начале XVII в.» сделана попытка «переквалифицировать» «посулы» из взятки как платы за результат судебного действия в плату за «проявленное» судьей усердие: «первоначально посул — не столько взятка в буквальном смысле этого слова, сколько плата за проявленное судьей прилежание в разборе дела». ²⁴ Иными словами, «суля» судье «посулы», тяжущиеся только обещали вознаграждение за проведение самого процесса, смиряясь с любым решением судьи. ²⁵

²² ПРП. Вып. 2. С. 292, 311, 418.

²³ Там же. С. 286, 302, 332.

²⁴ РЗ. Т. 2. С. 64.

²⁵ РЗ. Т. 2. С. 64; Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. С. 173.

При этом она неудачно сослалась на мнение В. Н. Татищева, который таким образом якобы объяснял законность «посулов».

Однако в татищевском комментарии к запрещающим «посулы» положениям Судебника 1550 г. нет и намека на легальность взяток в древнерусском праве. Историк XVIII в. только высказал свое мнение и сослался на мнение Петра I о том, что взятку добропорядочному судье можно было бы и разрешить, если, принимая ее, он выносил по судебному делу справедливое решение: «Посул есть разного качества: 1) если сулит за то, чтоб его в неправде оправдать, и сие есть лихоимство против закона божия, и как дающий, так и емлющий равному наказанию повинны ... 2) Посул есть безгрешной, когда судящийся, види[т] суперника коварного ябедника и просит о своем охранении; или кто, не хотя долго за делом волочиться, имея другую меньшую нужду, просит о скором решении. И хотя судия в обоих обстоятельствах по закону должен, однакож для своей пользы может большее прилежания показать, на пример в доме судья имеет от дел свободу; но когда хочет, то может, оставя свой домовной разпорядок, умалить своего покою, или веселия и забавы, а употребить то время к рассмотрению дел просящих его: то уже взятое за труд и честь не лихоимство, но мзда должная, яко долгу; следственно ни дающий, ни емлющий не виновен, противно тому, хотя бы ничего не взял, да непорядочно судил, и не по закону решил, есть яко законопреступник, достоин наказания. О сем мне случилось 1724 года слышать разсуждение его величества Петра Великого, и намерен был указом изъяснить, токмо знатно время и другие дела возпрепятствовали».²⁶ Как видим, подобная ссылка не может привлекаться для разбора проблемы «посулов» в XIV–XV вв., поскольку характеризует только «прагматизм» взглядов одного из первых «европеизаторов» России и его окружения.

Сходную попытку квалифицировать «посул» не как взятку, а как плату за приведение закона в действие, сделал С. Н. Кистерев.²⁷ Однако, как представляется, линия на уменьшение «тяжести», декриминализацию «посулов» не учитывает, что в русском обществе XIV–XVII вв. уже вполне различали разные степени коррупции. Неформальные, «договорные» отношения тяжущихся с судьями и судебным аппаратом сводились к выплатам двух категорий.²⁸ При

²⁶ Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. 2-е изд. М., 1786. С. 11.

²⁷ Кистерев С. Н. Исследование Ю. Г. Алексеева о Судебнике... С. 247–248.

²⁸ Седов П. В. Подношения в московских приказах XVII в. С. 139, 146–147.

этом достаточно безобидные с точки зрения морали и права подношения ради «ускорения» и «упрощения» судебных процедур назывались «почестями», «гостинцами», «подарками» и «поминками». Под «посулами», однако, подразумевались крупные выплаты за то или иное решение исхода конкретной тяжбы. Одновременно важно учитывать, что как церковь, так и государство в XIV–XVII вв. предпочитали использовать термин «посул» для обозначения судебных взяток. «Мздоимство» и «лихоимство» явно проигрывали в этом вопросе «посулоиманию», если можно так выразиться, «по популярности». Данный вопрос заслуживает самостоятельного разбора. Отметим только, что это связано, возможно, именно с указанным различием между «почестью» или «гостинцем», с одной стороны, и «посулом», с другой. Получавшие вознаграждения и первого, и второго рода, формально, судили «по мзде». Но степень общественной опасности и ответственности была разной. Как следствие, духовенство и законодатели ополчались, прежде всего, против «посулов», а «поминки» или, например, «мзда» упоминались реже.

Своеобразна была трактовка «посулов» у А. К. Леонтьева. Несмотря на то, что, по мнению ученого, «посул» — это все-таки взятка, тем не менее, она была вполне легальна.²⁹ Чем объяснить такой парадокс, однако, не оговаривается. А. К. Леонтьев также подошел к большинству немосковских упоминаний «посулов» с позиций максимального сужения толкования: если «посул» негативно упоминается в контексте какого-то одного судебного действия, то только здесь он и запрещен. Во всех остальных случаях он разрешен.

В наибольшей степени отошел от черепнинской схемы распределения «посулов» по категориям и противопоставления их позитивной характеристики в «Записи что тянет душегубством» негативным упоминаниям новгородских и псковских источников Ю. Г. Алексеев.³⁰ Важной заслугой историка было привлечение к разработке вопроса показаний жалованных несудимых грамот Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. Упоминание в некоторых из них «посула» среди доходов судей в одном ряду с «виною», «пересудом» и прочими пошлинами привело к выводу о том, что основным и первичным значением «посула» было «законное вознаграждение судье, даваемое добровольно». Однако со временем у «посула» появилось второе значение — незаконная сделка, тайная или совершенная в результате вымогательства судьи или судебного чиновника. В этом значении «посул» рассматривался как злоупотребление, нарушение правил

²⁹ Леонтьев А. К. Право и суд. С. 47–48.

³⁰ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 186–190.

«настоящего, законного посула». В связи с этим предшествующие интерпретации почти всех упоминаний «посулов» в новгородских и псковских источниках были подвергнуты радикальному пересмотру в направлении демонстрации того, что они, даже запрещая в отдельных случаях получение «посулов», никоим образом не свидетельствуют в пользу общего запрещения «посулов», а, более того, — подтверждают их легальность.

Одновременно Ю. Г. Алексеев пришел к выводу о том, что в московском праве «посулы» были отменены как легальная форма оплаты (но еще не запрещены) не в 1497 г. при издании ВКС, а несколько раньше — между 1472 и 1488 гг.³¹

Итак, как было показано, содержащаяся в «Записи что тянет душегубством к Москве» подробная «ропись посулов» сыграла исключительную роль в формировании устойчивого убеждения о разрешенности взяток-«посулов» в древнерусском праве XIV–XV вв. В дореволюционной историографии указания на нее было достаточно, чтобы констатировать законность получения судьями «дополнительного вознаграждения» от тяжущихся. В советский и постсоветский период только Л. В. Черепнин попытался в осторожной форме противопоставить позитивную характеристику «посулов» московского источника запретительным упоминаниям их в новгородских и псковских законодательных памятниках. Все остальные исследователи под воздействием «Записи что тянет душегубством» начинали сомневаться и в самых, казалось бы, однозначных запретах взяток, содержащихся в праве Новгорода и Пскова. А как же иначе, ведь московский «протосудебник» стоит «на точке зрения законности, допустимости и даже обязательности посула».³²

Тем не менее, в связи с очевидной невозможностью для законодательства легализовать любую форму «договорных» отношений между судебным аппаратом и тяжущимися сторонами предположим, что мнение о легальности «посулов» является не более чем заблуждением, основанным на неверной интерпретации источников. При этом основной виновник данного курьеза — не ошибочное толкование кратких и не без труда читаемых современным человеком указаний древних памятников права, а всего лишь необоснованное мнение об официальном характере только одного из них, цитированной выше записи о московском суде. С учетом исключительности данных «Записи что тянет душегубством» попробуем, забыв о ней на время, еще раз рассмотреть свидетельства других источников.

³¹ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 189.

³² Там же. С. 187.

Слово «посул» изначально обозначало обещание вознаграждения за работу или услугу.³³ Однако, начиная с XIV в., в правовых документах и в нарративных памятниках термин «посул» и его производные начинают широко употребляться в значениях, связанных с «договорными» отношениями между судьями, судебными чиновниками, истцами и ответчиками.³⁴ При этом понятия «кривой суд по посулам», «посульничество» и «посулоимство», судя по текстам с исповедными вопросами, в XV–XVII вв. преобладают по широте употребления над определениями «мздоимство» и «лихоимство».³⁵ Можно также отметить, что в отдельных текстах прослеживается противопоставление «суда по посулу» и «суда по мзде». И то, и то рассматриваются как прегрешения, но «состав преступления», так сказать, разный.³⁶

Необходимо подчеркнуть, что в церковных источниках судебный «посул» изначально однозначно осуждается, как осуждается и «суд по мзде» (формулировка, прослеживающаяся с конца XIII в.).³⁷ В харатейном требнике конца XIV — XV в. священнику предписывается на исповеди задавать специальный вопрос: «на криве ротился еси или криво соудишь по посулоу?».³⁸ В одном из посланий Кирилла Белозерского московским князьям 1413 г. рекомендуется добиваться обеспечения справедливого суда в их владениях: «Суд бы, господине, судили праведно, как перед Богом, право; поклепов бы, господине, не было; подметов бы, господине, не было; судьи бы, господине, посулов не имали, доволны бы были уроки своими, понеже сие глаголет Господь: „да не оправдиши нечестивого мзды ради; ни силна, ни богата устыдися на суде, ни брата — свойства ради, ни друга — любве ради, ни нища — нищеты ради; ни сътвориши неправду в суде, яко суд истинен есть, проклят всяк неправо судя“.

³³ Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее — СРЯ). Вып. 17. М., 1991. С. 269.

³⁴ Там же. С. 269–270.

³⁵ Алмазов А. И. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней истории. Т. 3. Одесса, 1894. С. 107, 171–174, 193, 196, 199, 200, 206–208, 211, 216, 217–219, 258, 260, 261; Корогодина М. В. Исповедь вельмож // Российское государство XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексева. СПб., 2002. С. 61–62.

³⁶ Алмазов А. И. Тайная исповедь... С. 206, 207.

³⁷ См., например: Флоря Б. Н. Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI–XVII вв. // Одиссей: Человек в истории. 1992: Историк и время. М., 1994. С. 205–207

³⁸ Алмазов А. И. Тайная исповедь... Т. 3. С. 107; Ухова Т. Б. Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря // ЗОР ГБЛ. Вып. 22. М., 1960. С. 14–15.

Пророк рече: „ярость Господня на них неисцелна до века, и огонь по-ясть нечестивыя, мзды ради, иже неправдою взимают“. А судя праведно, безо мзды, спасены будут и царство небесное наследуют». ³⁹ Столь длинные цитаты приведены для демонстрации того, что «посулы» приравнивались к лжесвидетельству («ложной роте»), «поклепам», «подметам», к пристрастному суду по свойству, дружбе и из-за неверно понятого чувства социальной справедливости («нищеты ради»). Вынесение приговоров «по посулам» точно так же, как и другие перечисленные преступления, — обыденное дело, и точно так же «посулы» запрещены с точки зрения морали и основ права. ⁴⁰

Переходя к светскому законодательству, сразу же необходимо остановиться на проблеме «новизны» запрета лихоимства в Судебнике 1497 г. Действительно, данный юридический кодекс впервые в русском законодательстве неоднократно возвращается к запрету «посулов». Сначала взятки запрещается брать боярам, окольниковым, дьякам и судьям вообще в центральных судах (ст. 1): «А посулов бояром, и окольниковым, и дьяком от суда и печалования не имати; також и всякому судие посула от суда не имати никому». ⁴¹ Затем запрет распространяется на низших судебно-полицейских чинов, неделщиков (ст. 33 и 34): «А неделщиком на суде на боярина, и на окольниковым, и на дьяков посула не просити и не имати, а самимь от поруки посулов не имати» и «А изымав ему татя, не отпустити, ни посула не взяти». ⁴² «Посулы» запрещается брать также представителям местной администрации, наместникам, волостелям и их тиунам (ст. 38): «а посула им от суда не имати, и их тиуном и их людем

³⁹ АСЭИ. Т. 2. № 312. С. 274.

⁴⁰ Необходимо отметить, что М. В. Корогодина, как представляется, несколько некорректно пытается прямо увязать увеличение с начала XVI в. количества исповедных чинов, содержащих вопросы о «суде по посулам», с изданием Судебника 1497 г. и публичным оглашением запрета на «посульничество» по всем московским владениям (*Корогодина М. В. Исповедь вельмож. С. 58–60*). Во-первых, исследовательница сама цитирует показательную фразу одного из чинов исповеди, в которой должностные преступления связываются с нарушением заповедей «о судех и о правлении земном по уложению святых отец и по судебнику». Учение церкви о недопустимости иного, кроме как беспристрастного, суда было сформулировано задолго до появления московских судебников и было в основе законодательства любого древнерусского княжества. Во-вторых, сам по себе факт массового появления вопросников «про посулы» еще не говорит о том, что раньше «посулы» считались нормой, точно так же, как появление в исповедном чине в XVII в. вопроса к земледельцу о нарушении им чужих меж и незаконном пользовании чужими угодьями, не является свидетельством того, что в эпоху, например, Ивана Калиты это не считалось уголовным преступлением (Там же. С. 57, 59).

⁴¹ Судебники... С. 19; ПРП. Вып. 3. С. 346; РЗ. Т. 2. С. 54.

⁴² Судебники... С. 23–24; ПРП. Вып. 3. С. 351; РЗ. Т. 2. С. 58.

посула от суда не имати же, ни на государя своего, ни на тиуна, ни пошлинником от суда посулов не просити».⁴³ И, наконец, истцам и ответчикам запрещено давать взятки судьям: «О посулах и о послушестве. Да велети прокликать по торгом на Москве и во всех городех Московские земли и Новгородские земли и по всем волостем заповедати, чтобы ищя и ответчик судиам и приставом посулу не сулили в суду, а послухом не видеви не послушествовати, а видевши сказати правду...» (ст. 67).⁴⁴

Но насколько обоснованно говорить об абсолютной новизне этих постановлений, если следующий Судебник 1550 г. практически теми же словами и в той же последовательности снова запрещает «посулы» всем указанным категориям судей и участникам процесса (ст. 1, 32, 53, 62, 68, 99).⁴⁵ Причем речь идет даже не о формулировке отдельных норм, а о способе их введения в силу. Царский Судебник точно так же, как и ВКС, постановляет: «Да велети прокликати по торгом на Москве и во всех городех Московские земли, и Новогородские земли, и Тверские земли и по волостем, чтобы ищя или ответчик судьям и приставом посулов в суде не сулили». Получается, что отмена «посулов» произошла в середине XVI в. как бы в первый раз. Вспомним также, что великокняжеский Судебник 1497 г. сохранился всего в одном списке. Следовательно, если бы не это счастливое обстоятельство, сейчас общепризнанным считалось бы мнение: взятки судейским в России были отменены только Иваном Грозным, а при его деде и отце «посулы» были вполне допустимой нормой.⁴⁶

Отметим также факт объединения составителями ВКС в одной статье запрета на «посулы» и «лживое послушество», о недопустимости которого также приказано было объявить «по торгам и волостям». Неужели до конца XV в. на Руси лжесвидетельство было легально?

Таким образом, характер упоминания «посулов» в судебниках 1497 г. и 1550 г. не позволяет утверждать, что до издания первого

⁴³ Судебники... С. 24; ПРП. Вып. 3. С. 352; РЗ. Т. 2. С. 59.

⁴⁴ Судебники... С. 28; ПРП. Вып. 3. С. 357; РЗ. Т. 2. С. 62.

⁴⁵ Судебники... С. 141, 150, 157, 161, 163, 176.

⁴⁶ Стремление историков, занимавшихся Судебником 1497 г., оттенить значение объекта своих исследований естественно и оправданно, но таким же правом обладают и другие ученые, исследующие, в том числе, и еще более поздние законодательные акты. Вследствие этого, например, было высказано мнение о том, что как «институт обычного права, действовавший со времен феодальной раздробленности», посулы были отменены только Уложением царя Алексея Михайловича (Маньков А. Г. Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 218. Примеч. 6). Критику такого взгляда см.: *Седов П. В.* Подношения в московских приказах XVII в. С. 147.

из них «плата судье по договоренности» была дозволена. И, наоборот, отсутствие в более ранних законодательных актах многократных запретов на «посулы» не дает оснований считать, что они были легальны. Ведь ни один древнерусский законодательный памятник не имеет всеобъемлющего характера и к нему нельзя подходить с правилом: разрешено все, что не запрещено.

Перейдем теперь к другому сильному аргументу в пользу легальности «посулов»: их упоминаниям в иммунитетных грамотах, выявленным Ю. Г. Алексеевым. Исследователь, в частности, указывает на текст жалованной грамоты князя Василия Давыдовича Спасо-Ярославскому монастырю 1320-х годов: «...А что будет суд спаским людем с моими людьми... судити ему со игуменом в правде по целовании, а вина, посул и пересуд наполю...».⁴⁷ Привлечен также текст грамоты Дмитрия Донского чернецу Савве 1380–1382 гг.: «И кто имет жити у Савы на тех землех людей, ино тем людем не надобе моя дань никоторая, ни пицкая белка, ни ям, ни подвода, ни мыт, ни тамга, ни костки, ни осмничее, ни города делати, ни пересуд, ни правой десяток, ни сена косити, ни коня кормити, ни к станом тянути некоторыми пошлинами; ни наместници мои, ни волостели, ни часници мои, ни митрополичи десятильники, ни их тиуни не судят их ни в чем, ни всылают к ним ни по что. А судит свои люди, черньци и белци, Сава сам, или кому прикажет. А будет суд сместной, ини судят вопче, а прибытком и посулом и виною делятся наполю...».⁴⁸ Ю. Г. Алексеев полагает, что под «посулами» здесь упоминаются добровольные законные подношения.⁴⁹

Привлечены им также и две грамоты князя Андрея Вологодского Кирило-Белозерскому монастырю 1471 г., в которых имеется одинаковое положение: «А будет суд смесной... знают себе своего монастырского и в правде и в вине и в посуле и в пересуде и во всех судовых пошлинах».⁵⁰ Можно добавить, что сходные постановления обнаруживаются еще в двух жалованных грамотах XV в.: тверского великого князя Бориса Александровича Кашинскому Сретенскому женскому монастырю примерно 1450 г. («А сплетется монастырской с городским или с волостным человеком, и игуменья судит с наместником или с волостелем вместе: прав ли, виноват ли монастырской человек, монастырю и в вине, и в посулах, а волостной — волостелю»)⁵¹ и тверского великого князя Михаила Борисовича Троиц-

⁴⁷ АСЭИ. Т. 3. № 190. С. 204.

⁴⁸ АСЭИ. Т. 2. № 340. С. 339.

⁴⁹ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 186–187.

⁵⁰ АСЭИ. Т. 2. № 191, 192. С. 122–124.

⁵¹ АСЭИ. Т. 3. № 118. С.155.

кому Калязинскому монастырю 1483 г. («А сплететца... прав ли виноват ли слободцкой человек монастырю в вине и в посуле, а исцево доправят на виноватом»)⁵²

При анализе этих мест несудимых грамот важно, однако, учитывать, что «посулы» здесь ставятся прямо посередине списка судебных штрафов и пошлин. Причем наименования у соседей «посулов» очень примечательны: «вина» и «пересуд» это переносные названия, получившиеся в результате семантического сдвига, расширения значения лексем. «Вина» была наиболее распространенным названием для штрафа за «вину», то есть за различные провинности, проступки и преступления. «Пересуд», в свою очередь, был пошлиной за совершение особого судебного действия «пересуда» или пересмотра дела. Такое соседство, разумеется, не является решающим аргументом в пользу того, что перед нами уже не «посул»-взятка («вознаграждение по договоренности»), а «посул»-штраф за дачу или получение «посула»-взятки. Однако, как представляется, это дает повод задуматься. Тем более, что «виной» и «пересудом» список подобных семантических сдвигов в древнерусской правовой лексике не исчерпывается.

Характерным было, например, расширение значения слова «душегубство». От обозначения любого убийства, доведения до самоубийства и действий, повлекших за собой гибель плода в чреве матери, эта лексема прошла путь до обозначение штрафа за убийство. При этом промежуточными «остановками» были обозначение сначала убийства, уголовно преследуемого (например, исключаящего убийство раба его господином), а потом судебного процесса по делу об убийстве.⁵³ «Посул» мог пройти именно такой путь: абстрактное обещание вознаграждения за любую работу или услугу — обещание вознаграждения за нарушение закона — любая взятка — судебные действия по расследованию факта взятки — штраф за взятку. С учетом того, что в иммунитетных грамотах мы имеем дело уже с финальным итогом поэтапного семантического сдвига, законодательное запрещение «посулов» и их судебное преследование должны были начаться, как минимум, за несколько десятилетий до составления цитированных жалованных актов.

Причина же появления особого штрафа за «посульничество» могла заключаться в том, что его размеры и принципы начисления отличались от обычной «вины». Так, согласно Судебнику 1550 г., с судьи,

⁵² АСЭИ. Т. 3. № 158. С. 174.

⁵³ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3. М., 1990. С. 108; СРЯ. Вып. 4. М., 1977. С. 390.

принявшего за взятку неправосудное решение, все пошлины взыскивались в тройном размере.⁵⁴

На то, что перед нами упоминания именно штрафов за «посул», а не сам «посул», указывает и порядок их распределения при смешанном суде. Приведенные две грамоты XIV в. говорят о его разделе «наполю», а грамоты XV в. — отдают все судовые пошлины, причитающиеся с истца или ответчика, правого или виноватого, той стороне, которой он подсуден (на чьей земле он живет). Подобная операция не представляет трудностей со штрафами, порядок начисления которых четко оговорен. Однако, даже с точки зрения сторонников легальности «посула», он имеет в себе элемент «добровольности» и «договорности», и, следовательно, — неопределенности по величине. С учетом этой разницы участники судебного процесса оказывались бы перед существенной проблемой раздела «посулов»-взятки («добровольных вознаграждений»).

Если отказаться от учета обязательного только в теории равенства судей в смешанном суде, то очевидно, что в каждом конкретном случае на практике могло возникнуть три ситуации. По объективным и субъективным причинам, решающую роль мог играть или местный волостель, или монастырский приказчик, или их вес на процессе мог быть примерно равен. В последнем случае предписанное правило распределения «посула»-взятки не вызывало бы больших вопросов. Но в первых двух трудности возникли бы неминуемо. Участникам процесса не имело смысла давать «добровольное вознаграждение» тому, кто не имел влияния на вынесение судебного решения. По крайней мере, не имело смысла давать обоим судьям равный «посул». Князья же настоятельно предписывали давать «посул» в равных долях или только своему судье. Если же «сутяги» по своему «недоразумению» дают «заслуженную плату» не тому судье, то последний должен был, надо понимать, вернуть своему коллеге «посул», ставший теперь уже «платой незаслуженной».

Мы разобрали самые сильные, как предполагалось, аргументы в пользу легальности «посулов» до 1497 г. Остальные формулировки источников, содержащие упоминание «посулов», допускают разное толкование. Рассмотрим каждый отдельный случай.

Одно из положений Двинской уставной грамоты (ст. 6) гласит: «...а самосуд то: кто, изымав татя с поличным, да отпустит, а себе посул возмет, а наместники доведаются по заповеди, ино то самосуд, а опрочь того самосуда нет».⁵⁵ Другое место грамоты (ст. 8) говорит

⁵⁴ Судебники... С. 141–142.

⁵⁵ ПРП. Вып. 3. С. 163, 192.

следующее: «...А железного четыре белки, толко человека скуют, а не будет по нем поруки; а более того дворянину не взяти ничего; а черес поруку не ковати; а посула в железех не просити; а что в железех посул, то не в посул».⁵⁶ Ю. Г. Алексеев отмечает, что здесь «посулы» запрещены. Вместе с тем историк полагает, что нельзя только входить в сделку с воров и вымогать взятку у человека, закованного в железо.⁵⁷

По поводу такого толкования ст. 6 ДУГ возразить нечего. Однако важно заметить, что здесь «посул» выступает в качествеотягчающего обстоятельства, что уже само по себе примечательно и на что уже обращал внимание А. А. Зимин.⁵⁸

Интерпретация же ст. 8 вызывает вопросы. Говоря о том, что она подразумевает всего лишь запрет на вымогательство «посула» у арестованного человека, мы должны признать, что он сформулирован странно. Сказуемое «не просити» здесь указывает на то, что вначале идет запрет на получение «посула» судебным приставом («дворянином»). Затем, если исходить из толкования Ю. Г. Алексеева, «дворянину» еще раз напоминают, что «посул», взятый с закованного арестанта, не будет засчитываться за легальный «посул», но будет признан незаконной взяткой. Повтор, однако, излишен.

Важно и еще одно обстоятельство, которое пока не получило отражения в литературе. В ст. 8 мы сталкиваемся с расширением значения слова «посул», с семантическим сдвигом. Фраза «а что в железех посул, то не в посул» говорит о том, что существует четкое противопоставление «посула в железех» просто «посулу», причем последний из них первичен, поскольку не требует дополнительного определения. Сразу возникает вопрос, который из них хуже с точки зрения закона?

Если исходить из того, что здесь снова запрещается «дворянину» вымогать «посул» у арестованного, то «посул в железех» хуже просто «посула». Но неизбежно возникает следующий вопрос: как в этом случае мы определим то, к чему нужно приравнять «посул в железех», все-таки взятый приставом, несмотря на прямой запрет ДУГ? Ведь древнерусские источники по истории права XIV–XVII вв. не знают более «страшного», чем «посул», термина для определения денег и других ценностей, полученных судьей, подьячим или приставом за нарушение ими закона и своих должностных обязанностей. Равным образом, не существовало более тяжкого преследуемого за-

⁵⁶ ПРП. Вып. 3. С. 163, 193–194.

⁵⁷ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 187.

⁵⁸ ПРП. Вып. 3. С. 192.

коном преступного действия при исполнении судебных или следственных функций, чем принятие «посула» в сочетании с неправосудным решением. Так к чему приравнивается «посул», полученный от арестованного подозреваемого? Ведь если мы принимаем то, что фраза «а что в железех посул, то не в посул» является простым разъяснением фразы «а в железех посула не просити», мы должны найти в источниках указание на что-то иное, «преступное», к чему приравнивает законодатель такой «неправомерный посул».

Попробуем теперь проверить возможность того, что «посул в железех» мог быть лучше просто «посула». Такая ситуация возможна, если данная клаузула относится не к «дворянину»-приставу, а к человеку, оказавшемуся в «железах». Иначе говоря, переводить ее нужно следующим образом: «если арестованный даст посул-взятку приставу и это станет известно властям, он освобождается от судебного преследования, поскольку тяжелые условия содержания в кандалах, особенно если он закован в них приставом с целью вымогательства взятки, являются для него смягчающим обстоятельством».⁵⁹ В пользу подобного прочтения говорит то, что вся заключительная часть ст. 8 концентрируется именно на защите прав арестованного, а не судебно-полицейского чиновника: запрещается брать пошлину за арест свыше установленной нормы, запрещается арестовывать человека, если у него есть поручитель, запрещается заковывать арестованного в «железа» ради вымогательства взятки. В продолжение этого ряда вполне логичным выглядит освобождение арестованного от ответственности за дачу «посула», сделанного в кандалах.

Для признания допустимости нового перевода-толкования большое значение имеет возможность трактовать формулировку «не в посул» как указание на приобретение «посулом» значения преследуемого по закону деяния. В связи с этим вспомним, что в разобранных выше несудимых грамотах мы, скорее всего, имеем дело с «посулами»-штрафами. Таким образом, в Двинской уставной грамоте обнаруживается искомое промежуточное значение «посула»-преступления.

Конечно, возразить на это можно, например, тем, что только в Судебнике 1550 г., по устоявшемуся мнению, вводится ответственность за получение должностным лицом взятки, а ответственность за дачу взятки отсутствовала в допетровском праве.⁶⁰ Однако выше

⁵⁹ Целесообразность использования максимально развернутого перевода-толкования статей древнерусских правовых памятников была прекрасно продемонстрирована О. Г. Усенко (*Усенко О. Г. О методологии изучения «Русской правды» // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: История. Вып. 1. № 20 (48). С. 80–94.*

⁶⁰ Судебники... С. 141–142.

нами уже была показана легковесность опоры на тезис о первом упоминании какой-либо нормы при работе с древнерусскими правовыми источниками. В любом случае, как видим, возможны, по крайней мере, два прочтения ст. 8 Двинской уставной грамоты.

В Псковской судной грамоте содержатся следующие положения: «А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику» (ст. 4) и «А кто почнет на волостелех посула сачить да и портище соимет или конь сведеть, а молвить так: „в посуле есми снял или конь свел“, — ино быти ему в грабежи, хто в посули снял или коня свел» (ст. 48).⁶¹ А. А. Зимин и Ю. Г. Алексеев полагают, что в первом случае речь идет о запрещении только «тайных посулов».⁶² Такой подход уже подвергался критике. Как было отмечено в одном из комментариев к публикации источника: «сочетание тайный посул ... имеет ... цель усилить смысл запрета, а не противопоставить тайный, запрещенный законом посул явному, вполне дозволенному».⁶³ Однако, допустим, что «посул» был «неопределенным по размеру законным вознаграждением судье». Попробуем теперь смоделировать «открытый (явный) посул» как противоположность «тайному посулу»: один из истцов начинает вдруг в ходе судебного заседания громко и недвусмысленно «сулить» судье, затем второй истец или «поднимает ставки», или, вздохнув, признает свое поражение и смиренно дожидается исхода процесса. Так давать «посулы» можно. Вечером же накануне или скрытно от посторонних глаз — нельзя. Это — «тайный посул».

Относительно статьи «о сочении посула на волостеле» Ю. Г. Алексеев считает, что «в грабеже» оказывается тот, кто пытается отобрать данное ранее в качестве взятки: «посул, раз данный, обратно требовать нельзя».⁶⁴ Прежде всего, необходимо отметить, что сделанный историком перевод этой статьи совершенно оправдан. Попытки Л. В. Черепнина, А. А. Зимина и некоторых других исследователей интерпретировать текст ст. 48 ПСГ как обвинение в «грабеже» волостеля-«посульника» ошибочны.⁶⁵ Нарушителем закона, согласно положениям этой статьи, определенно является человек, пытающийся силой забрать с волостеля имущество, которое ранее он передал ему в счет «посула».

⁶¹ ПРП. Вып. 2. С. 286, 292.

⁶² Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 187; ПРП. Вып. 2. С. 332.

⁶³ РЗ. Т. 1. С. 347–348.

⁶⁴ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 187.

⁶⁵ Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951. С. 158–159 (в издании использован перевод ПСГ, выполненный Л. В. Черепниным и А. И. Яковлевым); ПРП. Вып. 2. С. 311, 357; РЗ. Т. 1. С. 367.

В то же время, если с точки зрения грамматики прав Ю. Г. Алексеев, то его резюме «посул, раз данный, обратно требовать нельзя» — явно неправомерно. В данном месте ПСГ говорит о недопустимости самосуда, насильственных действий в подобной ситуации, а сам «посул» от этого не обязательно становится законным. В пользу подобного толкования говорит сравнение ст. 48 ПСГ с другими статьями источника. Показательна, например, ст. 26: «А кто возмет грамоту на своего исца (ответчика. — В. Б.), ино ограмочному (истцу, получившему грамоту. — В. Б.) поймав по грамоте, не мучить, ни бить, поставить перед господю, а ограмочному против своего исца ни битися, ни колотися; а толко имет сечися, или колотися, да учинит головшину, — ино быти ему самому в головшине».⁶⁶ Сходный характер имеет ст. 67: «А истец, приехав с приставом, а возмет что за свои долг силою, не утяжет своего исца, — ино быти ему у грабежу, а грабеж судить рублем, и приставное платить виноватому».⁶⁷ Задача всех трех статей — оградить ответчика, в том числе и «посулоимца»-взяточника, от внесудебной расправы со стороны истца.

Обратим также внимание на многозначность термина «посул» в ст. 48 ПСГ в случае принятия сделанного Ю. Г. Алексеевым и совершенно правильного ее перевода.⁶⁸ Словосочетание «в посуле» здесь явно подразумевает некое судебное разбирательство или, как отмечает сам исследователь, ситуацию, когда потерпевший от действий волостеля предъявляет последнему иск по поводу имевшего место прежде того факта дачи «посула». По аналогии со ст. 26: «да учинит головшину, — ино быти ему самому в головшине», где в начале идет «головщина»-преступление, а затем «головщина»-судебное разбирательство. Таким образом, как и в случае с несудимыми грамотами и ДУГ, перед нами уже, собственно, не сам «посул»-взятка, а «посул» как судебный процесс по поводу состоявшегося ранее факта дачи «посула». Выявлен еще один этап семантического сдвига.

В Новгородской судной грамоте также имеются упоминания «посулов»: «А докладшиком от доклада посула не взять» (ст. 26).⁶⁹ Как полагает Ю. Г. Алексеев, данное положение касается запрета посула для судей только высшей инстанции.⁷⁰ Статья, действительно, имеет дело с судьями высшей инстанции, их деятельность она и регулирует, но делать выводы о легальности «посулов» для других судей на ее основе также нельзя.

⁶⁶ ПРП. Вып. 2. С. 289.

⁶⁷ Там же. С. 295.

⁶⁸ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 14–15.

⁶⁹ ПРП. Вып. 2. С. 215.

⁷⁰ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 187.

В проекте договора великого князя литовского Казимира с Новгородом запрет на получение «посулов» сформулирован так: «А наместнику твоему судити с посадником ... а пересуд ему имати по новгородцкой грамоте по крестной, противу посадника; а опричь пересуда посула ему не взяти».⁷¹ По мнению Ю. Г. Алексеева, посул допускается при пересуде, пересмотре дела.⁷² Но здесь говорится не о судебном действии, а о взимании пошлины за него («пересуд ему имати»), и, кроме этой пошлины («опричь пересуда»), наместнику запрещено брать у участников процесса дополнительную плату по договоренности («посула ему не взяти»). Поведение судей при других судебных действиях остается за рамками данного положения.

Ю. Г. Алексеев, к сожалению, не рассматривал положения новгородско-тверских и новгородско-московских договоров. Между тем, они весьма показательны. В московском противне Коростынского договора 1471 г. говорится: «А кто имет посул давати или кто и почнет имати по концем, и по рядом, и по стам и по улицам у грабежщиков и у наводщика и у наездщика, ино взяти на том тои же заклад...» (ст. 26).⁷³ Как видим, перед нами еще один пример наказуемости посулов для обеих сторон за 80 лет до «первичного введения» санкций за это должностное преступление в 1550 г. и при полном отсутствии в допетровском праве прямой формулировки наказания для взяткодателя.⁷⁴ При этом важно отметить, что данный раздел московско-новгородского докончания связан со ст. 10 и 11 Новгородской судной грамоты и касается только «посулов», которые даются при рассмотрении дел о грабежах и наездах, связанных с разрешением поземельных споров.⁷⁵ С учетом остроты данных конфликтов штраф («заклад») за «посулы» в таких делах был назначен достаточно высокий: для бояр — 50 рублей, для житего человека — 20 рублей, а для «молодших» людей — 10 рублей. При этом сама подобная специальная регламентация санкции за частный и особо опасный для тогдашней ситуации в обществе случай лихоимства свидетельствует о том, что наказание за получение «посулов» других категорий было привычным делом и не требовало особых оговорок.

В грамоте новгородцев к тверскому великому князю 1446–1447 гг. несколько раз повторяется положение: «а судити с обе половины по хрестному челованью, а посула не взяти с обе половины...».⁷⁶

⁷¹ ПРП. Вып. 2. С. 248.

⁷² Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 187.

⁷³ ПРП. Вып. 2. С. 258.

⁷⁴ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 396.

⁷⁵ Там же; ПРП. Вып. 2. С. 213, 234, 258, 272.

⁷⁶ ГВНП. С. 37–38.

А. К. Леонтьев истолковал последнее положение только как запрет получать взятку сразу от двух сторон в процессе.⁷⁷ Получается прямо-таки фантазмагорическая картина заботы законодателя о соблюдении судьями-взяточниками минимальных приличий: раз берете мзду, то хотя бы только у одного из истцов. Более правомерно чтение данной статьи как запрет на получение взятки и тверским, и новгородским судьей. В пользу этого же говорит употребление устойчивой фразы «с обе половины» в первый раз при взятии обязательства судить и новгородцу, и тверитину по крестному целованью, и во второй раз при взятии с них же обязательства не брать взяток-«посулов».

Таким образом, за исключением «пошлинного устава» «Записи что тянет душегубством к Москве», нет ни одного свидетельства официальных источников XIV–XV вв., которое можно было бы признать «позитивным» для практики суда по «посулам». Везде он либо упоминается с осуждением или запретом, либо перед нами упоминания судебного процесса по факту дачи «посула» или штрафа за дачу «посула», то есть, вопреки устоявшемуся мнению, можно констатировать, что не только «посульничество» было запрещено, но у нас имеются и достаточно многочисленные указания на существование судебного преследования дачи и получения «посулов».

В то же время «губная московская запись» с ее подробной росписью кому, когда и сколько давать «посулов» стоит многого. Против данных «Записи что тянет душегубством», как уже было показано, не пошли ни М. Ф. Владимирский-Буданов, ни Л. В. Черепнин. В случае признания «правительственного характера» содержащихся в «Записи» предписаний о распределении «посулов», многие предложенные в статье трактовки показаний других источников существенно «потеряют в весе».

Однако никто до сих пор даже не попытался обосновать официальный характер «Записи», который совершенно неоправданно принимается за аксиому, не требующую доказательств. Между тем, почему анонимная сводка нескольких разнородных заметок об особенностях судопроизводства во владениях московских князей должна непременно быть продуктом законодательной деятельности Калитовичей? Она вполне может быть признана и частным судебным руководством, плодом потребности бояр, тиунов и дьяков в справочных материалах, отражающих запутанные принципы определения подсудности в Москве и прилегающих уездах. При этом подобное частное юридическое руководство могло отражать не только офици-

⁷⁷ Леонтьев А. К. Право и суд. С. 47.

альное законодательство, но и судебную практику, в том числе те ее элементы, которые находились в прямом противоречии с духом и буквой закона. К тому же ее «статья 4», как раз и содержащая уникальные позитивные упоминания «посулов», имеет характер дефектного текста, переплетения нескольких разновременных вставок, сделанных, как минимум, тремя людьми, и часть положений которых определенно утрачена.⁷⁸

⁷⁸ Бочкарев В. В. К изучению «Записи что тянет душегубством к Москве» // ДРВМ. 2013. № 3 (53). С. 22–23.

Т. П. Лённгрен (Университет г. Тромсё)

ИСТОЧНИКИ ЖИТИЯ АРСЕНИЯ ВЕЛИКОГО В ВЕЛИКИХ МИНЕЯХ ЧЕТЫХ

Великие Минеи Четы (ВМЧ) митрополита Макария — крупнейший средневековый памятник древнерусской оригинальной и переводной литературы — появился на Руси на благодатной, подготовленной почве. Ко времени создания ВМЧ уже существовала различная оригинальная и переводная литература, в том числе и сборники минеи четых.¹ Эти сборники, как и сами ВМЧ, уже на протяжении трех веков привлекают внимание исследователей, которых интересуют самые разные проблемы, связанные с этим памятником.² Но одной из самых насущных проблем остается выяснение источников ВМЧ. Касаясь этого вопроса, следует заметить, что на составе источников, использованных при создании ВМЧ, не мог не отразиться тот факт, что между митрополитом Макарием и Волоколамским монастырем поддерживались долгие и тесные литературные связи. В работе Р. П. Дмитриевой, изучавшей историю житий русских святых в составе волоколамских сборников, высказано надежно обоснованное предположение, что в сборнике РГБ, ф. 113, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря (далее — Вол.), № 659 объединены житийные тексты, представляющие собой как бы черновой материал для дальнейшей работы над ними, чтобы затем включить эти тексты

¹ См. обширную библиографию в работе: *Веретенников М.* Великие Макарьевские Четы-Минеи — сокровище духовной письменности Древней Руси // Богословские труды. Т. 29. М., 1989. С. 115–126.

² *Дыбо В. А., Кучкин В. А.* Болгарский текст в русской минее XVI в. // *Byzantinobulgarica*. II. Sofia, 1966. С. 279–301; *Молдован А. М.* К истории составления троичной минеи № 678 (Значение ее для текстологического исследования произведений митрополита Илариона) // ЗОР ГБЛ. Вып. 42. М., 1981. С. 64–76.

в ВМЧ.³ О том, что Волоколамское собрание важно для изучения источников ВМЧ, упоминали и другие исследователи.⁴

В предлагаемой работе⁵ будет показано, что источником ряда переводных житий, вошедших в ВМЧ, был сборник миней четых на май Волоколамского собрания. Особенности редакторской работы над текстом переводного жития, вошедшего в состав ВМЧ, и дальнейшая судьба копий текста из ВМЧ прослеживаются на примере жития Арсения Великого, входящего в состав майской минеи.

Как было сказано выше, до появления ВМЧ на Руси уже были как отдельные сборники, имеющие минейный состав, так и разной полноты и состава комплекты годовых миней четых. В 1484–1488 гг. над созданием годового комплекта трудились в Кирилло-Белозерском монастыре (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря (далее — К-Б), № 16/1255, 17/1256, 18/1257, 19/1258).⁶ На рубеже XV–XVI вв. этой работой занимались в скриптории Иосифо-Волоколамского монастыря (Вол. 590 — Вол. 598),⁷ а в самом начале XVI в. — в Троицком монастыре (РГБ, собрание Московской Духовной Академии (далее — МДА) № 90, 92.1, 93, 94).⁸

³ *Дмитриева Р. П.* Агиографическая школа митрополита Макария (на материале некоторых житий) // ТОРДЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 210.

⁴ См., напр.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 125–126; Лёнгрен Т. П.* Сборник житий в литературном наследии Нила Сорского (на материале автографа, хранящегося в Волоколамском монастыре) // *Palaeoslavica. Vol. VII. 1999. S. 335; Афиногенов Д. Е.* Новгородское переводное четье-минейное собрание: происхождение, состав, греческий оригинал // *Abhandlungen zu den grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Bd. 2. Freiburg, 2006 (= Monumenta Linguae Slavicae dialecti veteris. Bd. XLIX). S. 263; и др.*

⁵ В основу этой публикации положен доклад, прочитанный в Отделе древнерусской литературы ИРЛИ РАН в апреле 2009, и статья, опубликованная в: *Text — Sprache — Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher. 2009. S. 225–237.*

⁶ *Никольский Н. К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897. С. XXI; *Дмитриева Р. П.* Четьи сборники XV века как жанр // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1972. С. 154; *Лёнгрен Т. П.* Сборник Нила Сорского в литературном наследии Кирилло-Белозерского монастыря // *Translating Culture. Essays in Honour of Erik Egeberg, Oslo. P. 173–175.* (В этой работе была допущена техническая ошибка: под заглавием минеи на февраль-март помещена минея на октябрь); *Шibaев М. А.* «Ветшанные» минеи и реконструкция сборников XV в. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря // ТОДРЛ. Т. 62 (в печати).

⁷ *Иосиф.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. С. 238–263; *Лёнгрен Т. П.* Следы минейной части Супрасльского кодекса в древнерусской книжности // *Palaeoslavica. Vol. XXI–I. 2013. P. 1–14.*

⁸ *Леонид, архим.* Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранения Троице-Сергиевой лавры. М., 1887.

Но самым значимым памятником, предваряющим появление ВМЧ, был *Соборник Нила Сорского* (далее — СНС) — триптих переводных житий святых Древнего Востока, подобранный, упорядоченный по принципу минеи и собственноручно переписанный великим книжником.⁹ Определение круга источников СНС, появившегося на рубеже XV–XVI вв., находится в прямой связи с выявлением источников переводных житий, вошедших в состав ВМЧ. Нил Сорский, постриженник Кириллова монастыря и основатель Нило-Сорского скита, хорошо знал книги монастырской библиотеки. Об этом может свидетельствовать не только его начитанность, но и оставленное им завещание, в котором он просит после смерти вернуть библиотечные книги в монастырь: «Псалтырь в четверть Игнатъева письма — в Кириллов монастырь — и прочие книги и вещи Кириллова монастыря».¹⁰ Как следует из *Описания рукописей Кирилло-Белозерского монастыря*, составленного в конце XV в.,¹¹ в то время, когда Нил мог пользоваться монастырской библиотекой, там были почти все жития, вошедшие в состав СНС: некоторые списки были в одном экземпляре, другие — в нескольких. Но для выявления возможных источников важно учитывать не только Кирилловское собрание, но и другие, поскольку, как известно, рукописи, находящиеся в настоящее время в составе одного собрания, пять с лишним веков назад могли находиться в составе другого: например, рукописи Кириллова собрания могли быть в составе Софийского, Волоколамского в составе ТСЛ, и наоборот и т. д.

В состав СНС входит 24 жития. Для определения возможных источников, которыми Нил мог пользоваться при составлении СНС, до сих пор было привлечено свыше четырехсот полных текстов житий и отрывков с верхней границей XVII в.¹² Наблюдения показывают, что одни жития переписывались часто, в то время как списки других встречаются относительно редко. В ходе сопоставления состава просмотренных сборников с СНС до сих пор не было обнаружено ни одного сборника, в котором бы точно повторялся состав хотя бы

⁹ *Соборник Нила Сорского*. М., 2000. Ч. 1. 11–18; Лённогрэн Т. П. Великие Минеи Четьи (ВМЧ) митрополита Макария и *Соборник Нила Сорского* (К постановке проблемы) // *Abhandlungen zu den grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij*. Bd. 2. Freiburg, 2006. (=Monumenta Linguae Slavicae dialecti veteris. Bd. XLIX). S. 78–83.

¹⁰ Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. СПб., 2005. С. 281.

¹¹ *Никольский Н. К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897.

¹² Лённогрэн Т. П. Переводные жития преподобных в древнерусской книжности: до и после *Соборника Нила Сорского* (Ч. I) // *Palaeoslavica*. Vol. XX–II. 2012. P. 283–301.

одной части СНС.¹³ Тем не менее, учитывая результаты предыдущих исследований¹⁴ и исходя из проведенного анализа исследованного рукописного материала, релевантными для текстологического изучения СНС с точки зрения его формирования могут быть признаны все найденные рукописные источники с указанной верхней границей.

Как в майский том ВМЧ, так и в СНС входят жития Арсения Великого, Пахомия Великого и Симеона Столпника Дивногорца. В конце XV в. эти жития были в составе библиотеки Кириллова монастыря, причем все три жития упоминаются в рукописи К-Б 101/1178 на одном листе, 128 об., в одном списке чернового описания, в «черняке». В беловом описании эти жития входят в так называемый «Соборникъ въ началѣ житие Евфимия Великаго», обозначенный Н. К. Никольским № XII. В этом описании Житие Арсения Великого находится под № 716; Пахомия Великого помещено под № 718 и, наконец, под № 719 находится житие Симеона Столпника Дивногорца.¹⁵ Так что вероятными источниками для СНС могли быть указанные списки. Примечательно, что, исходя из указанного описания, в Кириллове была только метафрастовская версия жития Арсения Великого; именно эта версия была использована и в СНС. Но в настоящее время этого Жития в Кирилло-Белозерском собрании нет.

Изучение рукописных источников свидетельствует о том, что самое большое количество списков из этих трех житий приходится на житие Пахомия Великого: до сих пор найдено 36 списков, одним из самых ранних среди них является список РГБ, ф. 304.1, собрание Троице-Сергиевой лавры (далее — ТСЛ), № 744, л. 1–74 об., XIV в. Житие Симеона Столпника Дивногорца отыскано в 17 списках, самый ранний относится к началу XV в. и тоже находится в этом собрании: ТСЛ № 669, л. 49–124 об. Именно в рукописи ТСЛ 669, л. 2–13, находится и самый ранний список жития Арсения Великого.

История жития Арсения Великого в древнерусской книжности далеко не проста. Дело в том, что в греческих источниках существует три жития преподобного Арсения Великого. Одно приписывается Фео-

¹³ Исключение представляют сборники, которые были скопированы с СНС, см. об этом: *Клосс Б. М.* Нил Сорский и Нил Полев — «писатели книг» // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 150–165; *Прохоров Г. М.* Автографы Нила Сорского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 46–50. Но и там были отступления, о которых будет сказано в будущем.

¹⁴ *Клосс Б. М.* Нил Сорский и Нил Полев — «писатели книг». С. 150–165; *Прохоров Г. М.* Автографы Нила Сорского. С. 46–50; *Романенко Е. В.* Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003. С. 66–67.

¹⁵ *Никольский Н. К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря... С. 117–118.

дору Студиту,¹⁶ другое составлено неким Арсением,¹⁷ третье принадлежит перу ученика Симеона Лагофета и входит в состав десятой, и последней, книги метафраз.¹⁸ Текст жития Арсения, дошедший до нас в составе ВМЧ, ТСЛ 669, Вол. 597, РНБ, Софийской собр. (далее — Соф.) № 1375, РНБ, собр. Соловецкого монастыря (далее — Сол.) № 513/532, 514/533, РНБ, собр. М. П. Погодина (далее — Пог.) № 1934 восходит к редакции Феодора Студита. К редакции Метафраста относится текст жития Арсения, который находится в составе рукописей РГБ, собр. В. М. Ундольского, № 1173 (далее — Унд 1173), СНС: Вол. 630,¹⁹ МДА 207, ТСЛ 83, Соф. 1357, Пог. 1321, РНБ, Q.I.323 (без конца), БАН, Архангельское собр. Д.145, ГИМ, собр. Уварова, № 200 (далее — Увар. 200). В *Патерике азбучном* К-Б 8/1247, л. 272–272 об., и в *Патерике скитском*, Сол. 635/693, л. 227–235, содержатся отрывки о черноризце Арсении, чрезвычайно важные для изучения особенностей текста этого жития. В Пог. 804 помещен текст жития Арсения, представляющий собой промежуточную версию двух названных редакций: с одной стороны, начало совпадает с редакцией Феодора Студита, с другой стороны, в этом тексте нет Похвалы Феодора Студита и много разночтений, которые дают основание считать этот текст другим переводом, подвергшимся основательной редакции.

Во временной перспективе списки жития Арсения располагаются следующим образом: ТСЛ 669, датируемая приблизительно 1430 г., предположительно является первым списком с рукописи, изготовленной в Константинополе, в монастыре Богородицы Перивлелты в 1420 г.²⁰ Согласно описи, Вол. 597 — *Минея четья* за месяц май, написанная полууставом двух почерков, большей частью в два столбца начала XVI в., в лист, объемом в 460 листов.²¹ Ознакомление с самой рукописью позволяет сделать некоторые уточнения и дополнения: размер рукописи 28,5×20, всего листов 1+460+1; переплет — доски деревянные, обтянутые кожей; кожа ветхая, начинает рваться

¹⁶ Издано у болландистов (Acta Sanctorum. 1863. Т. 4, июль).

¹⁷ См.: Васильевский В. Г. Синодальный кодекс Метафраста // ЖМНП. 1899. № 7. С. 354.

¹⁸ Церетели Г. Ф. Житие иже во святых отца нашего Арсения Великого по рукописям Московской Синодальной библиотеки // Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Ч. 50. Вып. 1. СПб., 1899. С. III.

¹⁹ Сборник Нила Сорского. Ч. 3. М., 2004. С. 443–458.

²⁰ Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // ТОДРЛ. Т. 23. Л., 1968. С. 193.

²¹ Иосиф. Опись рукописей... С. 258.

по корешку. Застежки утеряны, на нижней доске уцелела одна жуковина. Рукопись частично загрязнена, но текст сохранился хорошо за исключением начала миней: чтение на первое мая утрачено. Оглавление, написанное небрежным почерком с киноварными заглавными буквами, помещено на л. 1 об. В два столбца написаны листы 47–288 об. и 311–436. Предварительный просмотр филиграней (Голова быка — типа Piccard, № 179 (1484–1486 гг.)) и графико-орфографических особенностей письма позволяет предположить, что рукопись была написана в конце XV в., приблизительно в то же время, что и Вол. 630.

Сол. 635/693 датирована XV в.²² Изучение графико-орфографических особенностей письма позволяет сделать уточнение и датировать ее первой половиной XV в. Соф. 1375 датирована XVI в.²³ Изучение филиграней (Инициал В — типа Лихачев № 4060–4063) позволяет датировать этот список 1554 г. Сол. 513/532 датирована XVI в.²⁴ Изучение филиграней (кувшинчик типа Лихачев № 1767) допускает сдвинуть датировку к 1555 г. Сол. 514/533 датирована 1569 г., это «Дача государя великаго князя Ивана Васильевича въ Соловки». Пог. 804 датирована первой пол. XVI в.²⁵ К первой четверти XVI в. по филиграням и графико-орфографическим особенностям письма можно отнести ТСЛ 83.²⁶ Соф. 1357 датируется XVI в.²⁷ По охранному каталогу ОР РНБ Пог. 1934, Пог. 1321 и Q.I.323 относятся к XVI в.

При сравнении содержания Вол. 597 и майской ВМЧ²⁸ создается впечатление, что Вол. 597 была одним из источников ВМЧ. Просмотр житий Феодосия Печерского (л. 41–85), Арсения Великого (л. 163 об.–178) и Симеона Столпника Дивногорца (л. 336 об.–432) в Вол. 597 и ВМЧ не оставляет сомнения в том, что в распоряжении писцов ВМЧ была Вол. 597. Они сверили текст, внесли необходимые мелкие исправления и очень незначительные, единичные, уточняющего характера дополнения и переписали текст в ВМЧ уже с учетом этих исправлений. Киноварные разделения текста на главы ВМЧ находятся в соответствии с таковыми в Вол. 597. Небольшие различия

²² Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. 2. Казань, 1885. С. 154.

²³ *Абрамович Д. И.* Софийская библиотека. Вып. 2. СПб., 1907. С. 280.

²⁴ Описание рукописей Соловецкого монастыря... Ч. 2. С. 446.

²⁵ Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. Вып. 3. СПб., 2004. С. 221.

²⁶ Благодарю Т. В. Анисимову за уточнение датировки.

²⁷ *Абрамович Д. И.* Софийская библиотека. Вып. 3. СПб., 1910. С. 22.

²⁸ См. *Иосиф.* Подробное оглавление Великих Четьих-Миней Всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской Патриаршей библиотеке. М., 1892. С. 137–201; Син. № 994, Соф. 3121.

между списками вызваны графико-орфографическими нормами, характером расположения слова в строке, выносных букв, лигатур и т. п. Пословное сопоставление текста жития Арсения Великого в ВМЧ и Вол. 597 убеждает, что текст этого жития в ВМЧ был списан с Вол. 597, а пословное сопоставление текста жития в Вол. 597 с ТСЛ 669 позволяет предположить, что протографом для Вол. 597 могла быть ТСЛ 669. Поскольку объем статьи не позволяет привести результаты проведенных пословных сопоставлений в полном объеме, ограничимся выборочными фрагментами.

В житии Арсения Великого Вол. 597 встречается, по крайней мере, три типа правки: отсылки для одной правки сделаны теми же чернилами и тем же почерком, что и основной текст, т. е. это правка самого писца, сделанная в ходе переписки текста и сверки с протографом. В качестве знака отсылки писец использовал косую черту с двумя точками под ней. Другая правка была сделана темными, почти черными чернилами и другим почерком, для отсылки был использован знак, напоминающий букву «т» или крест. Не исключено, что эта правка была сделана при подготовке текста к переписке в ВМЧ. Обе эти правки были учтены в ВМЧ. Некоторые исправления могут вызывать разные толкования. Так, например, в Вол. 597 на л. 177 об. написано: **в свѣтило по́небесное / свѣтлѣ** Над последней **ѣ** справа поставлен знак отсылки, напоминающий букву **ε**: косая черта с двумя точками. После такого же знака на внешнем поле написано окончание превосходной степени прилагательного **ишеε**. Видимо, писец ВМЧ принял отсылку над **ѣ** за выносную букву **ε** и не учел дополнение на поле, в результате чего в этом месте в ВМЧ написано: **свѣтлѣε**.

Как кажется, писцы ВМЧ не только вносили исправления в протограф, но и немного позаботились о его внешнем виде, о чем может свидетельствовать появление киноварных инициалов в Вол. 597. Как в ВМЧ, так и в Вол. 597 входит Похвала Феодора Студита. В ВМЧ в этом месте два инициала написаны киноварью: первая буква в названии Похвалы, **Θ**, и первая буква в самой Похваде, **З**. После названия Похвалы в ВМЧ следует традиционное **вѣгви ѿче** (313с/59), чего нет в Вол. 597 на л. 167, как там изначально не было и киноварных инициалов. Текст выглядел так: в конце строки была написана первая часть слова **живы^x**, **жи**, а на следующей строке вторая часть, **вы^x**. Для того, чтобы втиснуть киноварный инициал **Θ**, точно такой же, как в ВМЧ, затерли вторую часть слова, **вы^x** и на этом месте написали инициал **Θ**. Возникшая проблема со словом **живы^x**, лишившимся своей второй части, была решена таким образом: восьмеричную букву **и** затерли, на ее месте, пренебрегая правилом, написали **ї** десятиричную и втиснули в конец строки недостающие **вы^x**. Для того,

чтобы немного выступающие за пределы строки буквы не бросались в глаза, после них написали знак — и точно такой же знак написали после названия Похвалы. Можно предположить, что буквы **вы^x** были написаны писцом ВМЧ: здесь наблюдается типичное для него написание буквы **в** с заканчивающимся углом верхним элементом и выносной буквы **ч**, написанной в виде вертикальной восьмерки с отчетливой начальной точкой.

Кроме указанных правок, были зачеркивания суриком и киноварью двух оттенков: темнее и светлее. Зачеркивания суриком, который в нескольких местах уже весь осыпался, учтены в ВМЧ. В качестве примера можно привести такую правку: в Вол. 597, л. 166, написано: **аркадіево и повѣленіе**. Союз и зачеркнут суриком, который уже осыпался, как и в другом месте на этом же листе суриком зачеркнуто слово **како**: **направи меня како да спсоусь**. В ВМЧ правка учтена: на 313a/30 читается: **аркадіево повѣленіе**; а на 313a/33 читается: **направи меня да спсоусь**. Отсылка в виде косой черты с двумя точками возле пропущенных слов **иди в горѣ**, сделанная суриком на нижнем поле на л. 173 об. в Вол. 597, учтена в ВМЧ, см. 316d/21. Зачеркивания киноварью потемнее в ВМЧ тоже учтены: в Вол. 597, 177 об., написано: **его^ж възлюбви насыщаешися обрѣте бѣго** и слово **насыщаешися** зачеркнуто. В ВМЧ эта правка учтена, см. 319a/11–12. Исправления, сделанные киноварью посветлее и поярче, не учтены (см. Вол. 597, л. 174 об.), как не учтены и отсылки на книжном поле в виде галочки, сделанные этой же киноварью (см. Вол. 597, л. 169 об., на верхнем поле).

Больше всего не учтенных в ВМЧ исправлений сделано коричневыми, более светлыми чернилами и почерком, похожим на почерк писца Вол. 597, но во многих местах этот почерк довольно небрежный, в то время как основной текст написан очень аккуратно. Таких неучтенных исправлений, носящих самый разный характер, насчитывается около семидесяти. Большинство исправлений сделано по выскобленному, но изначальный текст при помощи увеличения электронной копии текста просматривается довольно отчетливо. Сопоставление таких мест в Вол. 597 и ВМЧ убеждает, что текст ВМЧ был списан из Вол. 597. Эти многочисленные исправления были сделаны позже, после того, как текст Вол. 597 послужил антиграфом для ВМЧ. Вот примеры, наглядно подтверждающие сказанное:²⁹ I, 312a/1, **грамотѣ**; II, 164, **грамоты**: **ы** на месте затертого диграфа **оу**; I, 312a/9, **помыслаще**; II, 164, **мыслаще**: приставка **по** затерта; I, 312b/40,

²⁹ В приведенных примерах для обозначения ВМЧ используется римская цифра I, а для Вол. 597 — II.

не хѣда; II, 165, хѣдога: написано по затертому слову, состоявшему из шести букв; о том, что третьей в затертом была буква х, свидетельствует оставшийся левый хвост, приспособленный вместо левой палочки у буквы д, далеко ушедшей под строку;³⁰ I, 312c/45–312d/1, не имаше не яко оученики; II, 165 об., и имаше не яко оученики: буква н выправлена из н, а буква е затерта;³¹ I, 312d/78, и се, II, 165 об., и рѣ: отчетливо видно, что из с выправлена р и светлыми чернилами надписана выносная; I, 312d/2122, диадимата, II, 165 об., диадимытѣ: буква ы на месте затертой а, ѣ выправлена из последней а; I, 312d/40, не сѣдати; II, 165, сѣдати: затерто не; I, 313a/36, ѡдиночѣствїи; II, 166, єдиночѣствїи: на месте затертой ѡ написана є, буква о и чашечка буквы ч затерты, на их месте написана мачта и перекладина буквы н, присоединенной к мачте, оставшейся от полузатертой буквы ч; I, 314c/38–39, възвѣстити; II, 169, възвѣсти: ть затерто; I, 314d/15–16, видими н; II, 169, видимь и: затирая второй элемент буквы ы, затерли и союз и, а затем написали его над строкой; I, 315a/1, ѡчищаємса; II, 170, ѡщетеваємса: первые буквы написаны по хорошо просматриваемым затертым, буква в выправлена из правой половины буквы щ, остальная часть слова, аємса, сохранена.

Перечисление примеров можно легко продолжить, их очень много, но простого перечисления недостаточно, потому что ряд примеров заслуживает особого внимания. Так, например, в этой правке имеет место замена устаревших слов на современные: I, 318a/17, чревьѡ; II, 176, сандалїа; I, 317d/40–42, имѣаше брадоу великѣ до чрева хѡдѡщѣ; II, 175 об., имѣаше брадоу великѣ до полса^{до} сажѣщѣ. В этом примере особенно наглядно прослеживается, как писец сначала написал имѣа брадоу, затем спохватился и написал сверху пропущенные ше, теми же чернилами и тем же почерком. Эта правка учтена в ВМЧ. Во фразе до полса^{до} сажѣщѣ элементы слов (до, полса, ^{до} сажѣ) на месте затертых написаны более светлыми чернилами и другим почерком: концы буквы д одинаковой длины и прямые вместо длинного правого конца, наклоненного влево, левая верхняя петля буквы ж опущена и доходит до нижней ножки, концы буквы ѣ почти одинаковые, вместо длинного правого. В следующем примере наблюдается не только замена архаизма, но и изменение смысла: I, 315b/2, вридѣко; II, 170 об., нбо ѡсерденѣ: написано по хорошо просматриваемому выскобленному. Интересен пример, свидетельствующий о том, что справщик,

³⁰ В ТСЛ 669, л. 3, в слове хѣда не дописан второй элемент диграфа оу, поэтому первичное чтение получилось хѡда; но затем буква а была небрежно замазана, и над словом, начиная от буквы о, другим почерком написано женїа, в результате появилось совершенно бессмысленное здесь слово хѡженїа.

³¹ В ТСЛ 669, л. 3 об., не имаше яко оученики.

видимо, считал, что у святого должны быть ученики, а не работники, и внес в текст соответствующие исправления: I, 316d/6 и 15, работницы; II, 173 об., оученици (дважды).

А вот еще один пример, который может навести на мысль, что справщик не обращался к греческому оригиналу, поскольку сделал лексическую замену вопреки греческому оригиналу. Так, в начале Похвалы Феодора Студита в ТСЛ 699, л. 4 об., читается не *ω болваньстѣмъ крѹзѣ*, в ВМЧ, 313с/10, находим то же самое чтение с мелкими различиями в написании: не *ω болваньстѣмъ кроузи*. В Вол. 597, л. 167, слово *болваньстѣмъ* выскоблено и вместо него написано *солнечнеѣ^М*, причем в конце выскобленного слова над *ѣ* была выносная *м*, что и сохранилось во вторичном чтении. Обращение к греческому оригиналу свидетельствует о том, что в протографе ТСЛ 669, ВМЧ и первом чтении Вол. 597 греческое слово ζωδιακῶ во фразе οὐκ ἐν τῷ ζωδιακῷ κύκλῳ καθιριθμημένος³² было переведено буквально, а справщик Вол. 597 заменил *болваньстѣмъ* на *солнечнеѣ^М*. Видимо, как и в предыдущем примере с заменой *работницы* на *оученици*, справщик таким образом выразил свое мнение о неуместности употребления сравнения с идольским кругом в похвале святому. Буквальный перевод не *ω болваньстѣмъ кроузи* был унаследован всеми привлеченными к исследованию поздними копиями этой редакции жития: Соф. 1375, Сол. 513/ 532, Сол. 514/ 533, Пог. 1934.

Другой пример правки допускает, что справщик Вол. 597 мог привлекать греческий оригинал и/или другие славянские списки. Из греческого текста редакции Феодора Студита следует, что Арсений умер в 95 лет: ἐτῶν ἐνενήκοντα πέντε,³³ из опубликованного греческого текста редакции Метафраста следует, что святой умер в 120 лет: εἴκοσι πρὸς τοῖς ἑκατὸν.³⁴ Почти все привлеченные к исследованию славянские списки, восходящие к редакции Феодора Студита, дают чтение 105 лет: *оумираеть же лѣты десятию десать и патью*. Так было и в первом чтении Вол. 597, л. 175 об., такое же чтение унаследовали Успенский и Софийский списки ВМЧ (но не Царский), а также Пог. 804, л. 175: *оумираеть же лѣты стомъ и патью*. Списки, восходящие к редакции Метафраста, а также Сол. 635/693, Сол. 514/533 (подарок Ивана Грозного Соловецкому монастырю, копия из Царского списка), СНС и вторичное чтение Вол. 597 (где буква *в* выправлена из *с*) следуют греческому оригиналу редакции Феодора Студита и дают чтение: *оумирает же лѣты деватѣю дес^Т и патью*.

³² PG. T. 99. Parisiis, 1860. С. 850.

³³ Там же. С. 876–877.

³⁴ Церетели Г. Ф. Житие иже во святых отца нашего Арсения... С. 32.

В двух местах ВМЧ и Вол. 597 дают разные чтения. Первый пример разночтений находится в эпизоде, где Арсений слышит божий глас, призывающий его водвориться в пустыню. В Вол. 597, л. 170, написано так: **црьстїи тебе двори не прѣльстиша**; а в ВМЧ, 318а/42–42, по-другому: **црьстїи тебе двери не прельстиша**. Это чтение повторяется в Царском и Софийском списках и унаследовано только одной копией, сделанной с Царского списка, Сол. 514/533, л. 253. Ни в ТСЛ 669, л. 11 об., ни в Вол. 597, л. 170, нет в этом месте ни затертостей, ни исправлений, в обоих списках отчетливо читается **царьстїи двори**, что полностью соответствует греческому βασιλαιοι αὐλαί³⁵ и латинскому imperatoriae te aulae.³⁶ Правдоподобно, что в ВМЧ имеет место элементарная описка писца или переосмысление им первичного текста. Примечательно, что другая описка, допущенная в ВМЧ, 315d/13: **алфеты** (вместо **алфавиты**) также повторяется в Сол. 514/533, л. 245, в отличие от других использованных источников, дающих корректное чтение.

Другой пример разночтений объяснить сложнее. Речь идет об эпизоде, где ангелы кормят Арсения медовыми сотами. В ВМЧ, 315а/44, и копии с Царского списка, Сол. 514/533, л. 242 об.–243, это словосочетание употреблено в единственном числе: **медвьныи сотъ**. Во всех других привлеченных списках употреблено множественное число: **медвены соты**, что находится в полном соответствии как с греческим μελικηρίδας,³⁷ так и с латинским mellis particulas.³⁸ В редакции Метафраста употреблено синонимическое сочетание **μέλι καὶ κηρίον**,³⁹ где существительное κηρίον ‘воск’ употреблено в единственном числе, в отличие от множественного числа существительного μελικηρίδας. Именно в этом месте в первичном чтении Вол. 597 текст был испорчен (см. об этом ниже), что не могло не вызвать недоразумения у писцов (составителей) ВМЧ. Поэтому правдоподобно, что они обратились к ТСЛ 669, л. 7, где именно в этом месте была правка: слово **соты** написано в конце строки с явно пропущенной и позже написанной сверху буквой **о** и позднее дописанной буквой **ы**. Первый элемент у этой **ы** написан точно так же, как пишется **ъ**, но с высокой мачтой и вытянутой влево «крышей». Этот вариант буквы **ы** писец мог легко принять за **ъ**, потому что: во-первых, для почерка ТСЛ 669 характерно написание буквы **ы** без «крыши»; во-вторых, на внеш-

³⁵ PG. Т. 99. С. 880. В редакции Метафраста этого эпизода нет.

³⁶ Там же. С. 879.

³⁷ Там же. С. 860

³⁸ Там же. С. 859

³⁹ *Церетели Г. Ф. Житие иже во святых отца нашего Арсения... С. 27.*

нем поле на уровне строки, заканчивающейся словом **соты**, находится знак отсылки, к которому можно легко мысленно отнести и правую мачту буквы **ы**; в-третьих, для почерка, которым на внешнем поле написан текст для вставки (кстати, уже учтенной в Вол. 597, л. 170), характерно именно такое написание буквы **ъ**, с высокой мачтой и вытянутой влево «крышей». Такой вариант буквы **ъ** написан дважды на уровне исправленного слова **соты** в слове **въ единъ**. Не исключено, что писцы ВМЧ приписали в Вол. 597, л. 170, букве **ы** такую же высокую мачту с вытянутой влево «крышей», как в ТСЛ 669, а следующий справщик, выскобливший слово в строке над **ы**, это добавление убрал: в Вол. 597, 170, слово **соты** тоже написано в конце строки и над первым элементом буквы просматривается какая-то затертость.

Этот пример может свидетельствовать о том, что в затруднительных случаях писцы ВМЧ привлекали не греческие или латинские источники, а старшие славянские, наиболее авторитетные для них списки и, если в старшем списке разночтений с их антиграфом не было, они соглашались с непонятным текстом. Справщик Вол. 597 не был доволен первым чтением и внес соответствующие исправления, привлекая греческий и/или латинский источник. Вот отрывки из ВМЧ первого и второго чтения в Вол. 597 с объяснением техники исправлений, греческого и латинского текстов:

ВМЧ, 315a/38-44	Вол 597, 170, первое	Вол 597, 170, второе
дѣа кора- бла велика въ рѣцѣ. и видѣ ѿца арсеніа. и дхъ ѣжін еѣ в немъ. плаваюци въ молчаніи единѣ. ^М и ѿць мѡисїи и агглі ѣжін плава- юще въ единѣ. ^М и корѣмлю даахѣ арсенїеви медвѣнын сотъ.	дѣа корабла велика в рѣ- цѣ. и видѣ ѿца арсеніа. и дхъ ѣжін еѣ в немъ. плавающа въ млѣча- нїи единѣ. и ѿць мѡисїи и агглі ѣжін плавающе въ <u>единѣ</u> . ^М и корѣмлю даахѣ <u>арсе-</u> <u>нїеви</u> медвѣнены соты.	дѣа корабла велика в рѣ- цѣ. и видѣ ѿца арсеніа. и дхъ ѣжін еѣ в немъ. плавающа въ млѣча- нїи единѣ. и ѿць мѡисїи и агглі ѣжін плавающе въ <u>дрѣго</u> . ^М и корѣмлю даахѣ <u>е-</u> <u>моу</u> медвѣнены соты.

PG: 860: καὶ ἐδείχθη αὐτῷ δύο πλοῖα μεγάλα.
 καὶ θεωρεῖ τὸν ἀββᾶν Ἀρσένιον καὶ τὸ Πνεῦμα
 τοῦ Θεοῦ πλέοντες ἐν ἡσυχίᾳ εἰς ἓν καὶ ὁ ἀββᾶς
 Μωσῆς καὶ οἱ ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ πλέοντες εἰς ἓν

PG: 859: Et ostensæ illi sunt duæ naves
 magnæ; et in una quidem contemplatur
 abbatem Arsenium et spiritum Dei navi-
 gantes in quite; et abbas Moyses et an-
 geli Dei navigabant in altera

Исправления во втором чтении были сделаны так: в слове **единѣ**^М затерли буквы перед и после буквы **д**, а также левую мачту и перекладину в букве **н**, к правой мачте приписали «крышу» получившейся буквы **г**. Слово написано на месте выскобленного **арсенїеви**. Видно, что почерк исправленного места близок почерку писца, но отличия все-таки имеются: по-разному написаны лигатура **ѣ** и диг-

раф оу; буква є, хоть и похожа, но больше, чем нужно, наклонена вправо.

Как следует из приведенных греческого и латинского отрывков, правка в Вол. 597 могла делаться с привлечением любого из источников. В ВМЧ, первом чтении Вол. 597 и других привлеченных списках, включающих этот эпизод, имеет место ошибочный (слово в слово) перевод греческой конструкции с повторением εἰς ἐν — εἰς ἐν, буквально ‘в одном’ и ‘в одном’. Писец ТСЛ 669, а вслед за ним и писец Вол. 597 понимали, видимо, первое предложение так: в одном корабле видел плавающего Арсения и Святого Духа. В словосочетание **въ млъчанїи єдиноьмь**, по всей вероятности, вкладывалось значение ‘в объединяющем (их) молчании’. Во втором предложении (или второй части предложения) в предложной конструкции **въ єдино^М** передается буквальный смысл второго греческого εἰς ἐν, что является свидетельством того, что, перевод был сделан с греческого εἰς ἐν, а не с латинского in altera.

Таким образом, можно предположить, что одним из источников поздней правки Вол. 597 был греческий текст. Параллельные места в этой правке в Вол. 597 и в тексте жития Арсения в Вол. 630, л. 264–272*⁴⁰ наводит на мысль, что другим источником правки был текст этого жития в редакции Метафраста, входящий в СНС. Вот примеры: в Вол. 597, л. 166 об., до исправления, как и в ВМЧ 313b/17, читается: **напса въсьмо**. В СНС, 268*/2–3, **написа жè повсю/дѣ**. В Вол. в результате правки наблюдается поновление лексики, замена древнего южнославянизма **въсьмо** на более современное **въсьюдѣ**: **написа въсьюдѣ**. На этом же листе в Вол. 597, ВМЧ 313b/20: **даже и до сего шврѣсти смѣрти**. В СНС, 268*/4: **шврѣсти єго, даже и до смѣрти**. Слова **сего шврѣсти** в Вол. 597 зачеркнуты яркой киноварью, и эта правка не учтена в ВМЧ. Кроме того, приведенный выше пример Влк, л. 175 об., **имѣаше брадоу великѣ до пояса досажѣшѣ** совпадает с СНС, 271*/6–7: **имаше /брадѣ великѣ до пояса долгѣ**. В Вол. 597, как и в СНС, наблюдается лексическая замена: устаревшее слово **хѣдѣшѣ** было исправлено на современное **досажѣшѣ**. Совпадение с СНС имеет место и в сведениях о возрасте Арсения: Вол. 597, л. 175 об., **оумирает же лѣты деватїю десѣ^Т и патїю**. СНС, 271*/10–11: **скончѣ же сѣ лѣтѣ /девати десѣ^Т и пати** и т. д. Как видно, текст СНС другой редакции, но это, видимо, не мешало справщику Вол. 597 использовать факты из текста метафрастовской редакции.

С одной стороны, предположение, что справщик Вол. 597 мог воспользоваться Вол. 630, не обосновательно. Как следует из вкладной

⁴⁰ Сборник Нила Сорского. Ч. 3. С. 443–458.

Нила Полева, этот сборник находился в Иосифо-Волоколамском монастыре с 1514 г. Создание Софийского свода ВМЧ было начато в Новгороде в 1529/30 г. и длилось двенадцать лет. Макарий был архиепископом Новгородским в 1526–1542 г. Так что уже в 1526 г. Вол. 597 могла попасть в Новгород, поскольку у Макария были тесные литературные связи с Иосифо-Волоколамским монастырем. Правдоподобно, что вернуть сборник в Волоколамский монастырь могли после завершения работы над фрагментом свода ВМЧ, в котором он был использован.

С другой стороны, после обнаружения более древнего списка этого жития в Унд. 1173,⁴¹ чем представленного в СНС, можно было бы думать, что именно он был использован справщиками Вол. 597. Однако, как показывает сопоставление всех известных на сегодняшний день списков этого жития в метафрастовской редакции,⁴² Вол. 597 правилась все-таки по СНС.

Сборник Вол. 597 не единственный из состава Волоколамского собрания, побывавший в распоряжении составителей и писцов ВМЧ. Есть и другие, не менее убедительные примеры из других источников. В работе О. В. Творогова, посвященной памятникам агиографии, говорится о том, что тексты житий Илариона Великого и Мартиниана, вошедшие в ВМЧ, существенно отличаются от Пог. 716 и Соф 1365.⁴³ О. В. Творогов совершенно прав в том, что приведенные им в статье отрывки настолько отличны, что исходя, например, из пассажа, взятого из жития Илариона, можно говорить о двух разных переводах.

Объяснить, почему О. В. Творогов в этой статье для сравнения с ВМЧ выбрал именно рукописи Пог. 716 и Соф. 1365 можно тем, что

⁴¹ *Лёнигрен Т. П.* Автограф Нила Сорского «преписана бысть с книги старца Нила» // *Palaeoslavica*. Vol. XVII–I. 2010. P. 197–242.

⁴² Списка Жития Арсения Великого в метафрастовской редакции до сих пор не было отыскано ни в библиотеках Афонских монастырей, ни в рукописных источниках южнославянской книжности. О. В. Творогов указал один список Жития Арсения Великого, восходящего к редакции Метафраста, а именно, Вол. 630 (*Творогов О. В.* Переводные жития в русской книжности XI–XV веков. М.; СПб., 2008. С. 61), автограф Нила Сорского. Более ранний список, с разницей приблизительно в 8–10 лет был отыскан в Унд. 1173. Этот список написан не рукой Нила, но следует в этой рукописи сразу за 110 листами автографа Нила. Сопоставление списка этого Жития в автографе Нила и Унд. 1173 не оставляет сомнения в том, что протографом для Нила послужил именно ундольский список. Всего на сегодняшний день отыскано девять списков метафрастовской редакции: РГБ: Унд. 1173, XV в.; Вол. 630, СНС, XV в.; ТСЛ 83, нач. XVI в.; МДА 207, нач. XVI в.; РНБ: Q.I.323, XVI в.; Соф. 1357, XVI в.; Пог. 1321, XVI в.; БАН, Арханг. Д. 145, XVI в.; ГИМ, Чуд. 200, XVI в.

⁴³ *Творогов О. В.* Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. Статья вторая // *ТОДРЛ*. Т. 44. СПб., 1990. С. 211–212, 215.

материал для исследования был ограничен временем, указанным в названии статьи: XI–XIV вв. В другой работе О. В. Творогова под заголовками статей, посвященных Илариону и Мартиниану, указаны рукописи Вол. 591 и Вол. 594.⁴⁴ Отрывок из жития Илариона в ВМЧ читается почти без расхождений в Вол. 591 на л. 213–213 об. Другой, совсем короткий отрывок из жития Мартиниана в ВМЧ читается в Вол. 594 на л. 92.

Наблюдения можно продолжить, и привести намного больше фактов, но, как кажется, уже рассмотренного материала достаточно для подтверждения мысли, что составители ВМЧ использовали в своей работе тексты переводных житий, помещенные в волоколамских сборниках миной четвх. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы убедиться в необходимости всестороннего лингвистического изучения памятников средневековой письменности, объединенных монументальным наследием митрополита Макария. На текстах, вошедших в состав ВМЧ, в сопоставлении с письменными источниками, лежащими в основе их формирования, можно легко проследить динамику развития языка в течение одного века, а если к исследованию привлечь трехтомный автограф преподобного Нила Сорского,⁴⁵ по времени написания совпадающий не только с Вол. 597, но и с другими рукописными источниками подобного типа, то картина исторического, литературного и лингвистического ландшафта переводных агиографических памятников средневековой Руси будет еще более впечатляющей.

⁴⁴ Творогов О. В. Переводные жития в русской книжности XI–XV веков. С. 61, 82.

⁴⁵ Сборник Нила Сорского. Ч. 1–3. М., 2000–2004; Сборник Нила Сорского. Словоуказатель. Ч. 1–2. М., 2005.

Кистерев С. Н.

**О ПУБЛИКАЦИИ ПРИХОДО-РАСХОДНЫХ КНИГ
СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVI ВЕКА**

Деятельность археографов, занимающихся публикацией материалов, относящихся к отечественной истории ранее XVII в., имеет свои особенности. И дело не в том, что она требует наличия определенных навыков, овладения какими-то методиками или специфических знаний. Это необходимо каждому археографу, вне зависимости от хронологического периода, которому он посвящает свои труды. Речь не идет и об отражении собственных научных интересов и приверженности той или иной тематике личных исследований. То же самое можно сказать о любом историке-публикаторе. В отличие от своих коллег, занимающихся историей позднейших времен, археограф-древник куда менее подвержен влиянию идеологических и политических веяний и куда более зависит от потребностей науки в привлечении прошедших первичную обработку и становящихся в силу этого более доступными новых источников.

Готовящие публикации по истории XVIII–XIX и даже XVII века, могут позволить себе издание подборок документов или нарративов, находя себе кажущееся оправдание в невозможности объять необъятное. И именно на стадии отбора материала сказываются особенности восприятия археографом исторических реалий, его идеологические и политические пристрастия, наконец, способность соответствовать сложившейся конъюнктуре. И если всякая публикация текста способна сослужить полезную службу, издание текстов избранных требует от историка учета при их использовании так называемых «принципов отбора», то есть постоянной оглядки на неполноту представленного ему археографом материала.

В ином положении находится археограф, публикующий тексты древние. Их относительная малочисленность, непредсказуемая цен-

ность каждого из них для исторического исследования, осознанная уже предшественниками необходимость максимально полного представления отрицают возможность частичной публикации, то есть практики предпочтения одних текстов другим и, тем самым, учета идеологической или политической ситуации вне сферы научных интересов.

В то же время в исследовательском процессе периодически ощущается необходимость привлечения целых комплексов материалов, без использования которых решение тех или иных вопросов просто невозможно. И если исследователи-первопроходцы именно в силу этого своего качества еще могут ограничиться использованием хранящихся в архивах бумаг, то их последователи, число которых, как правило, превышает количество новаторов, крайне заинтересованы в повседневной доступности тех же материалов, да еще и в адаптированном виде, почему возникает потребность и даже необходимость публикации всего объема известных текстов. Отсутствие такой публикации в известной мере тормозит исследование, а подчас и делает его неосуществимым. Этой потребности, этой необходимости призвана отвечать в первую очередь работа археографа. Именно с констатации последнего обстоятельства начинается написанное Е. Б. Францужовой «Введение» к выполненной ею публикации документов хозяйственной деятельности одного из крупнейших монастырей России XVI в. — Соловецкого.¹

Новое издание охватывает все сохранившиеся и известные ныне приходо-расходные книги Соловецкого монастыря за период 1571–1600 годов, и, за исключением лишь одной, все они впервые предстают перед читателем в своем полном виде. Это справедливо подчеркивается Е. Б. Францужовой, предложившей одновременно очерк развития хозяйственной документации данного вида в стенах северной обители. По ее аргументированному наблюдению, приходо-расходные книги появляются не позднее второй половины 50-х годов XVI в., хотя «текущий учет прихода и расхода денежных средств осуществлялся в обители и ранее», о чем свидетельствуют две сохранившиеся памяти игумена Филиппа (С. 5). Нам представляется, что столь радикальное противопоставление книг (тетрадей) и памятей не вполне верно. Отличительным признаком тетрадей от памятей, насколько можно понять, исследовательница считает наличие записи о проверке точности подсчетов расходов и доходов. Памяти не просчитывались «и не заверялись, поскольку монастырские власти не

¹ Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600 гг. М.; СПб., 2013. Далее ссылки на страницы издания в тексте.

придавали им большого значения» (С. 17), тогда как на книгах соответствующие записи встречаются уже с начала 1570-х годов (С. 7). В связи с этим исследовательница отвергла высказанное нами предположение о существовании книг соловецкой вологодской службы ранее 1579 г., которым датируется книга, упоминаемая в документе 1639 г.²

Заметим, что отсутствие упоминания какого-либо документа в позднем источнике само по себе не может служить основанием для отрицания факта его существования, и если в 1639 г. были неизвестны книги более чем полустолетней давности, то из этого еще не следует, будто их не было в действительности. Та же опись 1639 г. содержит, как отмечено Е. Б. Францужовой, упоминание о монастырских книгах 1560/61–1569/70 годов лишь как о таких, которых «в казне не сыскали», и если бы не сохранившаяся в той же казне к тому времени книга казначея Иосифа 1557-1560 годов, то составители описи 1639 г. вынуждены были бы указать самыми ранними документами этого типа книги 1571 г., из чего оказалось бы возможным ошибочно заключить об отсутствии в монастыре практики составления приходо-расходных книг ранее этого года. То же можно сказать и о книгах вологодской службы, функционирование которой в 1570-х годах без существования соответствующей отчетности ее руководителей перед монастырскими властями трудно представить, поскольку на назначаемых в Вологду старцев возлагались обязанности не только по продаже монастырской соли, но и по закупке товаров на нужды обители. Допустимо думать, что такая отчетность осуществлялась в форме «памятей», существенно отличавшихся, по мнению Е. Б. Францужовой, от «книг». Однако именно это отличие сомнительно.

Для примера обратимся к опубликованной книге монастырского казначея Архипа 1577–1579 гг. В ее начале читается заголовок «Книги казенные приходные и розходные казначея Архипа Соловецкого монастыря», но он написан рукой, посторонней основному тексту, и на отдельном листе, то есть привнесен позднее и не отражает именованного документа его составителем. Далее, после записи о назначении Архипа казначеем, следует новый заголовок «Память казначею Архипу. Приход денгам» (С. 116), открывающий перечень поступлений в казну. Именно этот второй заголовок и является подлинной принадлежностью казначейского отчета в оприходовании поступлений.

² РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. № 37. Л. 5 об. К 1579 году относил возникновение этого рода документации в Соловецком монастыре В. И. Иванов (*Иванов В. И.* Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв. СПб., 2005. С. 47).

Подобное наблюдается и в начале отчета о расходах. Здесь читается написанный на отдельном листе и не скорописью, а уставом заголовков «Книги расходные», а сам отчет открывается записью «Расход денгам. Память казначею Архипу» (С. 137).

Сказанное, на наш взгляд, позволяет заключить, что сами отчитывающиеся должностные лица называли составленные ими документы «памятями», тогда как проверяющие их деятельность игумен и соборные старцы именовали те же документы «книгами», как это явствует из записи о проверке, опять же написанной почерком, отличным от почерка основного текста: «Лета 7087-го месяца июня в 16 день. Соловецкого монастыря игумен Варлам с соборными старцы ... сочолы казначея Архипа в монастырской казне в соловецкой по книгам по казенным в приходе и в розходе...» (С. 137). Следовательно, именно «памяти» просчитывались, превращаясь в глазах счетчиков в «книги». Отсюда открывается возможность думать, что существенного различия между «памятями» и «книгами» в реальности не существовало.

Для сравнения обратимся к книге вологодской службы 1583–1585 гг. На первом листе здесь тоже читается заголовок (не воспроизведенный в публикации Е. Б. Францужовой) «Книги вологодские службы 92-го и 93-го году старца Васьяна с товарищи. Считаны и подписаны»,³ после которого лишь на л. 3 начинается собственно текст отчета: «Приход денгам монастырской казне. Лета 7092-го сентября в 9 день. Память старцом Васьяну, да Флавьяну, да Козьме, да Мантирью» (С. 472). Расходные статьи также всегда начинаются с записи, включающей слова «память старцом» (С. 476). Зато итоговая запись о произведенной проверке заканчивается словами «А подписал книги монастырской диячек Куземка Иванов» (С. 493). Следовательно, и здесь наблюдается то же наименование отчета «памятью» при последующем переименовании его в «книгу».

Не кажется верным мнение Е. Б. Францужовой о малоценности «памятей» для монастырской администрации. Все дело, думается, в уровне этой администрации. Отчеты относительно самостоятельных должностных лиц монастыря, будь то казначей или глава вологодской службы, подлежали проверке игумена и собора, тогда как отчеты об исполнении разовых поручений, связанных с отлучками из монастыря и тратами монастырских средств, оставались в ведении тех же казначеев, использовавших их для составления собственных «памятей». Являя собой часть текущего архива, такие документы

³ Кистерев С. Н. Приходо-расходная книга вологодской службы Соловецкого монастыря 1583–1585 гг. // ОФР. Вып. 11. М.; СПб., 2007. С. 337.

не превращались в составляющую архива исторического, поскольку не могли пригодиться в дальнейшем. Книги казначеев отражали состояние казны в тот или иной момент с фиксацией вкладов и отметками об уплате долгов и налогов. Книги вологодских служебников, содержание которых не воспроизводилось в общих монастырских книгах, позволяли навести справки о продажах соли или покупках товаров, причем у конкретных лиц, характеризовали состояние вологодского подворья в целом. «Памяти» порученцев об их расходах, конечно же, представляли ценность, но кратковременную, почему в их сохранности никто не был особенно заинтересован. Однако последнее не означает, будто те же казначеи не проверяли точность отчетов, довольствуясь лишь их наличием. Иное дело, что они могли не содержать итога проверки в виде соответствующей записи, поскольку нужды в такой отметке не было.

Сказанное лишь подчеркивает необходимость дальнейших изысканий в области истории сложения монастырской документации, формирования ее отдельных видов и существования целых комплексов, в чем, несомненно, большое подспорье окажет публикация Е. Б. Французовой.

Специальное археографическое введение содержит достаточно подробное описание рукописей публикуемых документов, включающее в себя, в том числе, указания на расположение текстов внутри сброшюрованных книг, степень полноты сохранившегося манускрипта, наличие рукоприкладств и помет, а также вид филигранны на использованной соловецкими старцами бумаге. Можно лишь сожалеть, что, отмечая разнообразие почерков, которыми писаны тексты, составитель отказался от приведения в том же издании фотовоспроизведений соответствующих страниц документов, что, несомненно, оказалось бы весьма полезным как исследователям документального архива монастыря, так, возможно, и изучающим его же книжное собрание.

Не уделяя существенного внимания непосредственным создателям публикуемых документов, Е. Б. Французова, тем не менее, отмечает важность сведений монастырских приходо-расходных книг о ряде известных исторических персон, в частности, о Феодорите Кольском и Сильвестре Благовещенском (С. 13–16). Испытывая особый интерес к историческим личностям несколько иного плана, коснемся некоторых упоминаний в опубликованных Е. Б. Французовой материалах.

Уже первая из публикуемых монастырских книг содержит запись о вкладе Михаилом Леонтьевичем Кобелевым 15 рублей (С. 40). В данном случае речь идет о представителе известнейшей на Рус-

ском Севере фамилии.⁴ Под 7060 г. во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря записано: «С Вологды Леонтей Кобелев дал тринадцать рублей».⁵ Примеру отца в благочестии следовали сыновья. Во вкладной книге Соловецкого монастыря 1601 г. отмечено: «С Вологды Михайло Леонтьев сын Кобелев дал 15 рублей, да Михайло же дал по родителям десять рублей».⁶ Благоклонностью семьи Кобелевых пользовался и Никольский Корельский монастырь. В марте 1556 г. брат Михаила Дмитрий Леонтьев сын Кобелев дал четверть рубля на молебен, в апреле — еще столько же.⁷ Новый молебен за четверть рубля был заказан в апреле 1557 г., а вскоре прислана полтина.⁸ Наиболее видной фигурой, вероятно, был другой брат Михаила Леонтьевича — Федор. Владея значительными угодьями в Варзужской волости, позднее оказавшимися за Соловецким монастырем,⁹ в 1587 г. он возглавлял вологодских целовальников в Архангельске.¹⁰ Уставная таможенная грамота 1588 г. предписывала взимать пошлины с проходивших по Двине судов Федора Леонтьевича как с принадлежавших иногороднему владельцу.¹¹ Сын Федора Иван унаследует от отца доли в соляных варницах и получит звание гостя.¹²

⁴ С. В. Рождественский и Н. Е. Носов считали, что родоначальником вологодской фамилии Кобелевых был двинской своеземец Наум Кобель Савин (*Рождественский С. В.* Двинские бояре и двинское хозяйство XIV–XVI веков // Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук. 1929. № 2. С. 139; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 254–255. Эта версия принята: *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 73–74; Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 2004. С. 21). Убедительные возражения см.: *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 113. Примеч. 378. Н. Н. Покровский также не считал Наума родоначальником вологодских Кобелевых (*Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 195. Примеч. 159).

⁵ РНБ. Кир-Бел. 87/1325. Л. 272.

⁶ Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. № 125. Л. 158 об.

⁷ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. № 935. Л. 19-19 об. Дмитрий Кобелев — «гость вологжанин», в игуменство Тихона получил исцеление у гроба Антония Сийского от «взметного недуга» (*Рыжова Е. А.* Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского. Книжные центры Русского Севера. Сыктывкар, 2000. С. 308–309).

⁸ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. № 935. Л. 22–22 об.

⁹ *Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927. С. 202.

¹⁰ РИБ. Т. 25. СПб., 1908. С. 126.

¹¹ ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. С. 408–411.

¹² *Розен Б.* Северная соль. Архангельск, 1957. С. 70. По Н. Б. Голиковой, чья аргументация не безупречна, стал гостем не ранее 1610 г. (*Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 75–76). Его имя значится среди гостей, подписавших утвержденную грамоту Бориса Годунова на царство (Привилегированное купечество России... Т. 1. С. 20–21). О владениях Ивана Федоровича см.: *Чаев Н. С.*

Вкладной книге Соловецкого монастыря он известен как щедрый вкладчик: «С Вологды Иван Кобелев дал сорок рублей вкладу».¹³

В том же 1571 г. в Соловецкий монастырь, согласно приходной книге, поступил вклад от холмогорца Ивана Михайловича Косицына (С. 42), также принадлежавшего к заметной семье. Отец Ивана, Михаил Григорьевич Косицын известен по актовому материалу XVI в.¹⁴ Он не чурался административных должностей. В октябре 1542 г. и 7 февраля 1556 г. ему вместе с Василием Степановым сыном Высокого были адресованы грамоты о защите владений двинянина Нечая Петутина в Холмогорской луке.¹⁵ В 1555 г. для осмотра потерпевших крушение в Мурманском море двух кораблей воеводой Семеном Ивановичем Микулинским с Холмогор были посланы лучшие люди Феофан Макаров, Михаил Косицын, Анфилофей Посельский и Емельян Епихов.¹⁶

В 1560 г. сыновья Михаила Григорьевича Терех и Иван фигурируют среди откупщиков тамги на Двине.¹⁷ Терентий Михайлович Косицын в 1560 г. вместе с Тихоном Карповым владел варницей на Унском посаде,¹⁸ а 8 октября 1582 г. продал свои угодья и двор в Варзуге Соловецкому монастырю за 32 рубля, перебравшись в Холмогоры.¹⁹ Не исключено, что не отмеченные писцовым описанием 1563 г. владения Т. М. Косицына в Варзуге появились в результате опричного разгрома этой волости, инспирированного двинянами в 1568 г.²⁰

В мае 1579 г. Терентий, Иван Большой и Яков Михайловы дети Косицына продали принадлежавшую еще их отцу треть Графьин-

Из истории вотчинной политики крупного духовного феодала Поморья в середине XVII в. // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 8. Л., 1941. С. 113–116.

¹³ Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. № 125. Л. 36.

¹⁴ Сборник ГКЭ. Т. 1. Пг., 1922. С. 64 (послух в купчей 1532 г.), 220–221 (купчая его сыновей на унаследованные земли).

¹⁵ Сборник ГКЭ. Т. 1. С. 97–98. № 96; Дьяконов М. А. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 2. Юрьев, 1897. С. 10. № 12. Примечательно, что Михаил Косицын держал оброчную тоню по соседству с Нечаем (Копанев А. И. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера. Вологда, 1970. С. 526).

¹⁶ ПСРЛ. Т. 33. Л., 1975. С. 138, 168.

¹⁷ Чаев Н. С. Двинская уставная таможенная откупная грамота 1560 г. // ЛЗАК за 1926 год. Вып. 1 (34). Л., 1927. С. 200.

¹⁸ Копанев А. И. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. С. 534.

¹⁹ Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. С. 188. № 825; Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. С. 201.

²⁰ Сборник ГКЭ. Т. 1. С. 160–172. № 165; Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 199.

ской деревни в Курейской волости.²¹ Сын Ивана Большого Михайловича — Иван Иванович Косицын, еще 26 января 1586 г. названный холмогорцем,²² в 1587 г. будет переведен с верхней половины посада Холмогор во вновь строящийся Архангельск.²³

Примечательно и указание книги казначея Архипа 1577–1579 гг., что из Неноксы «Яков Иванов сын Вепрев дал по родителям полтретьятцать алтын» (С. 131). Вепревы в XVI в. — род, не менее известный, нежели Косицыны. 26 декабря 1532 г. Павел Иванов сын Родионов Вепрев купил деревню, находившуюся в общем владении Ивана и Макария Григорьевых детей Федоровых, Ивана, Харлантия и Михаила Федоровых детей Есипова.²⁴ 4 апреля 1543 г. Павел продал деревню на устье Великой курьи, принадлежавшую ему совместно с его братьями Яковом и Демидом.²⁵ Сам Яков выступал послухом в данной Кологривовых 1 апреля 1554 г.,²⁶ а 26 июля 1556 г. был послухом в данной Петра Истома Бачурина Никольскому Корельскому монастырю.²⁷ Якуш Иванов сын Вепрь известен как владелец оброчной пожни на речке Режме и варниц «на Смердих местах» в Неноксе²⁸ и промысла в Новой варнице на Великих местах.²⁹ 5 января 1572 г. петровский священник Павел и его брат Яков Ивановы дети Вепрева менялись с келарем Антониева Сийского монастыря Нектарием половиной Троицкой варницы и црена в Смердях местах в Неноксе, получив взамен половину варницы Ершихи и полцрена там же. Послухами выступили Борис Архипов сын Филиксов и Семен Григорьев сын Кологривов.³⁰ Оба брата 15 января 1572 г. дали вкладом по своему дяде Феофилакте Родионове (до пострижения — Филиппе Родионове)³¹ в Никольский Корельский монастырь $\frac{1}{48}$ часть сугреба в варнице в Неноксе.³² Архангельский монастырь от них же получил по тому же поводу 16-й сугреб рассола в варнице в Неноксе.³³ Последний акт в копийной книге не датиро-

²¹ Сборник ГКЭ. Т. 1. С. 220–221. № 226.

²² БАН. Арханг. 1192. Л. 126.

²³ *Крестинин В.* Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. С. 162–165.

²⁴ Сборник ГКЭ. Т. 1. С. 63. № 71.

²⁵ Там же. С. 103–104. № 101.

²⁶ Там же. С. 138. № 139.

²⁷ Там же. С. 145. № 147.

²⁸ *Копанев А. И.* Платежная книга Двинского уезда 1560 г. С. 528, 533, 535.

²⁹ Сборник ГКЭ. Т. 1. С. 184, 207. № 180, 210.

³⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Антониево-Сийский монастырь. Оп. 1. № 538.

³¹ *Заозерская Е. И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII вв. М., 1970. С. 123.

³² Сборник ГКЭ. Т. 1. С. 193. № 191.

³³ БАН. Арханг. 1192. Л. 150 об.–151.

ван, но по аналогии с вкладом в Корельский монастырь может относиться также к январю 1572 г. 15 декабря 1580 г. Яков «ненокшанин» продал Никольскому Корельскому монастырю рыбную ловлю в р. Солзе.³⁴

Публикуемые книги содержат некоторые интересные данные о представителях купеческих родов, игравших заметную роль в среде предпринимателей следующего столетия. В книге 1597/98 г. читаем: «Продано в монастыре Тимофею Григорьеву сыну Усову южанину 65 бочек сала ворвань, по 2 рубля по 3 алтыны и по 2 денги бочка, денег взято 136 рублей 16 алтын 4 денги» (С. 407). Это, пожалуй, наиболее раннее упоминание в источниках основателя династии Усовых-Грудцыных, давшей в 30-х годах XVII в. сразу несколько своих представителей в гостиную сотню.³⁵ И это упоминание не является единственным. Тогда же было «куплено на Двине у Архангелского города у Тимофея Григорьева сына Усова южанина свинцу пуд с четвертью на пудовой припуск, дано денег 11 алтын 2 денги» (С. 449).

Запись 1599 г. сообщает, что в Вологде «продали Василью Афонасьеву сыну Июдина 122 рогожи, а в них соли 3549 пуд, по 10 денег пуд, денег взяли 177 рублей 15 алтын» (С. 558). Известен гость Василий Юдин, в 1613 г. призванный к закупке узорочных товаров для царской казны в Архангельске.³⁶ Его отец — Афанасий Иванович Юдин — присутствовал на соборе 1566 г., а много лет спустя подписал грамоту об избрании Бориса Годунова на царство.³⁷ В 1583/84 г. англичане Антон Мерш и Ульян Фомин заняли у него по трем кабалам и одному бескабальному займу 6206 рублей.³⁸

Перечисляя многочисленные сделки купли-продажи с крупными и мелкими торговцами, завсегдатаями рынка, извлекавшими барыш, или производителями, эпизодически появлявшимися на нем для превращения результатов собственного труда в необходимые для повседневных нужд деньги, опубликованные Е. Б. Францужовой книги содержат фрагментарные, но интересные сведения о тех, в чьи обязанности входило пополнение государственной казны за счет поборов

³⁴ Сборник ГКЭ. Т. 1. С. 227. № 234.

³⁵ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 255.

Стоит обратить внимание на запись в книге 1574-1575 годов: «Слуга Гриша Ус, а во иноцех Герасим, дал вкладу тритцать алтын три денги» (С. 99). Пока можно лишь догадываться, не был ли монастырский слуга Григорий Ус, принявший в середине 1570-х годов постриг, отцом «южанина» Тимофея Григорьевича Усова.

³⁶ Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 177. № 65.

³⁷ ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 7. С. 53; Привилегированное купечество России... Т. 1. С. 19; *Перхавко В. Б.* Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 497.

³⁸ Сборник РИО. Т. 38. СПб., 1883. С. 243-244.

с торгующих. И среди упоминаний этих должностных лиц встречаются даже такие характеристики, которые представляют блюстителей царских интересов в нелицеприятном виде. Например, в 1577/78 г. записано: «Взято у таможников у поморских у Митрофана у Григорьева сына Кукина с товарищи дватцать рублей за рыбу, что оне онбар грабили монастырской в Умбе» (С. 120). Разумеется, стоит учитывать особенности словоупотребления монастырского казначея Архипа, но в любом случае действия таможенников кажутся насильственными и противозаконными.

Интересно было бы разобраться и в сути записи 1580 г.: «Взято в казну два рубля денег Ерша Колежемского, а взял те денги Хлупоног на турчасовских таможенниках, что на Ерше взяли промыта, и Ершь те денги дал вкладом в монастырь» (С. 175). Еще турчасовская уставная таможенная грамота 1554 г., не зная термина «промыт», предписывала торговцам и таможникам: «А явити им товар, соль и рыбу, в судех и в насадех, не складывая из насадов. А хто выложыт ис судов и из насадов соль и рыбу, а не явя таможником, и он то протаможыл, ино товар его ему назад, а с него протаможья два рубля, рубль на царя и великого князя, а другой рубль наместнику».³⁹ Несомненно, запись 1580 г. предполагает схожую ситуацию, разрешившуюся передачей штрафных денег монастырю.

Отражая деловые связи Соловецкого монастыря с русским купечеством, опубликованные книги содержат и известия о таких же отношениях с купцами иностранными. Интересна запись о сделке 1600 г.: «Продад старец Карион на Двине у Архангелского города немъчину Андреяну монастырского сала ворвань 51 бочку, по 3 рубли по 2 алтына бочка, денег взято 156 рублей 2 алтына» (С. 426). Возможно, что под именем Андриана-немчина скрывается кто-то из заморских купцов, посетивших Архангельский порт, хотя нельзя полностью исключить, что имеется в виду и поступивший годом ранее на русскую службу и пожалованный званием гостя Андрей Витов.⁴⁰ То, что Андреян-немчин не именуется гостем, в данном случае не может играть решающей роли ввиду необязательности отражения такого звания торгового контрагента в монастырской документации. Столь же маловажным для старцев был, видимо, и посольский статус некоего англичанина.

³⁹ Зимин А. А. К изучению таможенной реформы середины XVI в. // Исторический архив. 1961. № 6. С. 133.

⁴⁰ Опарина Т. А. Ливонские пленники в политической игре Бориса Годунова // Средние века. Т. 70. Вып. 1–2. М., 2009. С. 297–298. Подробнее см.: Кистерев С. Н. Структура гостинной сотни во второй половине XVI — первой половине XVII века // ОФР. Вып. 16. М.; СПб., 2013. С. 255–258.

В связи с этим привлекают внимание отметки о Смирном Иерусалимове. Первая из них сообщает: «С Москвы Ондрей Яковлевич Щелкалов прислал в монастырь вкладу дватцать рублей. С Москвы же гость Смирной Ирусалимов дал за стол пять рублей» (С. 154). Из текста можно заключить, что гость привез в монастырь вкладные деньги дьяка Андрея Щелкалова, однако трудно понять, обладал ли сам Ирусалимов званием гостя как торговый человек, или он так назван как посетитель монастыря, заплативший за свое пребывание. Другие записи содержат именование таких заезжих людей гостями, хотя очевидно, что к числу именитых торговцев они не принадлежали. Еще одна запись, 1580 г., не решая вопроса окончательно, позволяет полагать, что речь идет все-таки о титулованном купце: «Да что Смирной Иерусалимов привез с Москвы государских милостынных денег 20 рублей, и те денги по братьи делены» (С. 175). Смирной выполнял казенное поручение и обязан был доставить государеву милостыню Соловецкой обители, что не каждому могло быть доверено, и не каждый мог достойно исполнить такую службу. Это подводит к выводу, что, с одной стороны, Смирной Ирусалимов принадлежал к кругу купцов, наделенных званием гостя, а с другой — первая из приведенных записей отражает этот его статус.

Не менее интересно и упоминание в текстах не столь заметных в торговом мире лиц. В книге казначея старца Созонта, датируемой периодом с 26 января 1579 г. до 3 января 1581 г., читается: «Взято у Первого у Прокофьева пять рублей денег за Григорьев двор Белого, принято кь его двору, что Первой менял двор на двор. Да у Первого же взято за овес полтора рубля без гривны» (С. 173). Было бы интересно конкретнее представить суть осуществленной Прокофьевым операции, для чего, в первую очередь, необходимо привлечение актового материала. Однако в данной ситуации это не помогает. В выписи из писцовых книг 1582/83 г. находим: «Деревня Верхняя на Суме реки, а в ней крестьян: во дворе Костя Семенов, во дворе Первушка Прокофьев да Лева Остафьев, да два двора пусты. Пашни паханные пятнатцать чети да перелогом пятнатцать чети в поле, а в дву по тому же, сена девяносто копен, в живущем полторы обжи, а в пусте полторы обжи».⁴¹ Других сведений о Первом Прокофьеве в близких по времени опубликованных актах нет, как нет и упоминаний о Григории Белом. Приведенный же фрагмент выписи говорит о том, что некий Первой Прокофьев в деревне Верхней на реке Суме делил двор с Левою Остафьевым уже после того, как его полный тезка произвел некий обмен дворами. Следовательно, появляется возможность

⁴¹ Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. С. 199. № 847.

отрицать тождество жителя деревни Верхней и персонажа книги казначея Созонта. Однако несколько выше в той же Созонтовой книге находим: «Взято у Первого у Навгородца у Прокофьева за рожь за две бочки тритцать два алтына, а имал ту рожь Первой в Суме у старца у Исака» (С. 173). Последняя запись показывает, что житель монастырской деревни и новгородец Первой Прокофьев, скорее всего, одно и то же лицо. В том же еще более убеждают другие примеры из приходо-расходных книг. В той же книге Созонта содержится запись о покупке монастырем у «Первого у Прокофьева у Навгородца из Сумы» партии товаров на сумму в 75 рублей (С. 199). В книге 1585–1586 гг. отмечено возвращение «сумляину Первому Навгородцу» двух с половиной рублей, «что у него занял в Варзуге старец Архип» (С. 279). В книге 1589–1591 гг. записана покупка у Первого Навгородца камки и бархата на 12,5 рубля (С. 345), а зимой 1593/94 г. Первой продает холсты на 24 рубля 25 алтын (С. 375). Таким образом, записанный в писцовой книге как малоземельный крестьянин Первой Прокофьев на самом деле предстает в качестве активно перемещающегося торговца средней руки, прозвище которого, очевидно, указывает на его постоянное место жительства — Новгород. Отсюда появляется возможность полагать, что отмеченный обмен дворами он произвел не в монастырской деревне, а в крупном городе. Само отождествление крестьянина деревни Верхней и торговца Первого Навгородца показывает, что выводы о материальном положении крестьянства, делаемые лишь на анализе содержания писцовых книг, ненадежны, что привлечение других источников, в том числе и приходо-расходных книг, в отношении какой-то части крестьянства демонстрирует иную реальность.

Несколько отступая от рассмотрения сведений соловецких хозяйственных книг, заметим, что имеются данные, позволяющие представить последующую судьбу Первого Прокофьева. Н. Б. Голикова отметила факт оформления кабальной записи новгородцем, гостем Первым Прокофьевым в 1608 г. и, без уточнения использованных материалов, указала период деятельности его как гостя 1608–1619 годы, одновременно предположив родство этого человека с новгородским же гостем Федором Прокофьевым.⁴²

О госте Первом Прокофьеве известно, что в декабре 1614 г. по составленным им с товарищами окладным книгам собирались солдатские деньги в Новгороде.⁴³ До 1617 г., на протяжении некоего, ви-

⁴² Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 77, 78, 87.

⁴³ Якубов К. Русские рукописи Стокгольмского государственного архива. М., 1891. С. 69.

димо, длительного времени, гость Первой приобретал дворы на Торговой стороне Новгорода, причем поблизости от двора Соловецкого монастыря.⁴⁴ Думаем, не будет слишком смелым отождествить сумлянина-новгородца Первого Прокофьева записей соловецких книг и новгородского гостя Первого Прокофьева. Крестьянин, в 1580-х годах активно занимавшийся торговлей и проживавший в Новгороде, в начале XVII столетия мог оказаться пожалованным званием гостя.

Гость Федор Прокофьев известен как пятиконецкий староста в 1602 г. в грамоте в Новгород о правилах крестьянского отказа в Юрьев день.⁴⁵ На одном из экземпляров Октоиха издания 1594 г. на л. 5 об.–15 об. имеется запись: «Лета 7113 сентября сию книгу богодухновенную Охтаик гости Иван [С]осков да Федор Прокопьев да Степан Иголкин купили на церковные денги священномученика Феодота Ангирскаго и положили в тое же церкви в дом: а подписал тое же церкви феодотовской дьячек...».⁴⁶ Следовательно, в сентябре 1604 г. Федор вместе с двумя другими гостями купил книгу для церкви Федота Ангирского, бывшей приделом деревянного храма Кирилла Белозерского в Каменном городе Новгорода.⁴⁷

Оказывается, что в одном и том же городе на протяжении длительного времени одновременно проживали два крупных, заслуживших звание гостя торговца, причастных к административному управлению и одинаково именовавшихся «Прокофьев», один из которых известен под крестильным именем Федор, другой — под мирским Первой. Последний фигурирует в документах внутригородского управления, первый — в присланной из Москвы грамоте и записи на церковной книге. Кажется, нет оснований отвергать справедливость отождествления этих двух персонажей и считать, что Первого Прокофьева в крещении звали Федором. Тем самым, приходим к выводу, что крестьянин Сумской волости в итоге превратился в известного новгородского чиновного купца Федора-Первого Прокофьева, о раннем этапе жизни которого сведения сохранились в соловецких хозяйственных книгах 80-х годов XVI в.

Будучи заполненными записями о многочисленных сделках купли-продажи разнообразных товаров, опубликованные книги позволяют в отдельных моментах заметить некоторые черты организации самой торговли. В частности, необходимо обратить внимание на сле-

⁴⁴ Опись Новгорода 1617 года. Ч. 1. М., 1984. С. 163–165.

⁴⁵ ААЭ. Т. 2. № 24. С. 74–75.

⁴⁶ Поздеева И. В., Ерофеева В. И., Шитова Г. М. Кириллические издания: XVI век — 1641 год. Находки археографических экспедиций 1971—1993 годов, поступившие в научную библиотеку Московского университета. М., 2000. С. 47.

⁴⁷ Опись Новгорода 1617 года. Ч. 2. М., 1984. С. 326.

дование одна за другой в тексте книг записей, относящихся к контактам монастыря с торговцами из одной и той же местности. Например, монастырская расходная книга 1577–1579 гг., описывая акты покупок у разных по месту жительства продавцов, вдруг последовательно перечисляет продажи товаров каргопольцами Михаилом Лобановым, Клементием Вороном, Слотой Ивановым, Семеном Верещагиным и Григорием Окатовым (С. 141). Вполне возможно, что данное обстоятельство обусловлено одновременным прибытием жителей Каргополя на место монастырской закупки, а относительно небольшие размеры товарных партий каждого из продавцов наводят на мысль об использовании общего транспортного средства.

Интересны данные о закупках у шунжан Ильи Васильевича Мерзликова, Мокея Федотова и Григория Михайлова 9 июня 1581 г. (С. 221–222). Первый из них торговал самостоятельно, два других выступали совместно, все они реализовали товар в один и тот же день, почему стоит обратить внимание на сходство ассортимента товаров.

Наименование товара	Количество единиц товара	
	И. В. Мерзликов	Мокей Федотов и Григорий Михайлов
Холсты	2643 локтя	3749 локтей
Сукно	260 локтей	250 локтей
Простое сукно	22 локтя	—
Сермяги	6	5
Шубы	2	3
Рубашки	32	11
Портки	4	1
Скатерти	2	—
Сапожные гвозди	12 500	30 000

Нельзя не заметить почти полного совпадения номенклатуры товаров, представленных разными купцами и приобретенных одним и тем же покупателем. При этом наблюдается весьма незначительная разница цен на одинаковые товары у Мерзлякова и компаньонов: например, сукна у первого куплены по гривне за десяток, а у вторых — по три алтына, гвозди соответственно по гривне или по 22 деньги за тысячу. Это показывает, что речь шла о товарах примерно одинакового качества. В такой ситуации трудно подозревать, будто поставки товаров заранее заказывались монастырскими властями двум разным продавцам, поскольку куда проще было бы разместить заказ у одного из них с учетом выигрыша в цене. Следовательно, можно полагать, что осведомленные в потребности монастыря в определенных ремесленных изделиях купцы на свой страх и риск предложили

к реализации имеющиеся у них товарные партии, не зная точно, какое количество товара того или иного вида способно покрыть спрос. Поскольку цена компаньонов на отдельные виды товаров была выше, нежели у Мерзликова, можно заключить, что последний продал всю наличествующую у него партию, в противном случае покупать по более высокой цене у других продавцов было бы странным. Понижение же цены у компаньонов по сравнению с Мерзликовым, например, на сукна свидетельствует не только о разнице в качестве изделий, но и о том, что вторичная закупка производилась не из насущной необходимости изделий в данный момент, а впрок, для пополнения запасов, позволяя торговаться с продавцом.

Наши заключения исходят из того, что последовательность записей в расходной книге отражает последовательность самих осуществленных сделок. Однако перемена очередности в данном случае ничего принципиально не изменит, поскольку наблюдается разностороннее движение цен на отдельные виды товаров.

Тем самым, можно отметить, что фиксация закупок в данном случае свидетельствует о достаточно низком уровне развития торговли, при котором продавец, принимая к реализации или даже закупая ремесленные продукты, ориентировался на абстрактную потребность в том или ином их виде без учета реальной необходимости. Это повышало степень риска торговой деятельности, одновременно способствуя развитию конкуренции между торговцами в соотношении цена-качество, что, в свою очередь, отвергало устойчивость связей между хозяйствующими субъектами.

Примечательно и использование весьма своеобразного способа транспортировки денежных средств, описанного в книге 1580 г.: «Взято в казну восемь рублей милостынных денег печенских старцов, а против того старцу Кирьяку на Вологде велено отдати те денги печенским старцом» (С. 174). Внося в монастырскую казну полученные на Соловках в качестве милостыни деньги, старцы рассчитывают получить их по прибытии в Вологду от главы местной соловецкой службы, старца Кирьяка. Налицо применение такого инструмента как аккредитив, в роли которого как документа должно было бы выступить, видимо, письмо — «платежное поручение», адресованное Кирьяку. Печенгские старцы избавлялись от опасности утраты денег ввиду каких-то непредвиденных обстоятельств, а старец Кирьяк в будущем должен был доставить в монастырь несколько меньшую сумму из доходов вологодской службы, что также снижало его риски.

Вероятно, можно до бесконечности описывать содержание приходо-расходных книг Соловецкого монастыря, однако в нашем случае важно подчеркнуть, что все богатство их сведений в полном объеме впервые стало доступным благодаря предпринятой Е. Б. Францужовой

работе по подготовке рассматриваемой публикации, выполненной, с нашей точки зрения, на достаточно высоком уровне. Самое необходимое, что входит в обязанность каждого археографа, — представление адекватно прочитанного текста, снабженного справочным аппаратом в виде указателей имен и географических наименований — ею сделано. Прилагаемые к некоторым изданиям более или менее обширные комментарии к текстам выглядят иной раз излишеством, поскольку субъективны и фрагментарны, поскольку их полнота и точность зависят как от кругозора археографа, так и от состояния знаний по определенному предмету на момент подготовки издания. В некотором роде они напоминают подчас заметки, подобные предлагаемым теперь читателю нами. И то, что кажется верным и достаточным сегодня, завтра станет расцениваться как неполное или даже ошибочное, соответствующим образом влияя на оценку издания в целом. На наш взгляд, соединение в одном объемном документальном издании текстов и исследования их содержания без особой на то причины необязательно.

Разумеется, редкое издание осуществляется совсем без огрехов, найдутся они в дальнейшем, возможно, и в публикации Е. Б. Французовой. Нам таковым показалось одно место, где текст о расходовании денег, взятых в 1579 г. из большой монастырской казны для поездки игумена в Новгород, неправомерно поделен на абзацы (С. 184). Представляется, что из числа взятых из казны 400 рублей игумен захватил с собой только 200, а другие 200 рублей келарь Геронтий и соборные старцы Тарх, Авраамий, Иоасаф и Исихий положили на прежнее место, но затем именно из них 150 рублей даны были монастырским слугам Климентию Ворону (уже известному нам продавцу товаров монастырю) и швалю Гавриле, посланным игуменом в Андому для закупки сукон и холстов. В таком случае текст должен был бы выглядеть следующим образом:

«Игумен Варлам поехал в Новгород ко государю с святою водою, взял с собою денег двести рублей на монастырскую нужу, тех денег, что выняли из большие казны четыреста рублей.

Да тех же денег четырехсот рублей, что с игуменом выняли из большие казны и после игумена положили в большую казну двести рублей келарь Геронтей и соборные старцы, старец Тарх, старец Аврамей, старец Иасаф, старец Исисея, дано слугам монастырским Клементию Ворону да Гаврилу швалю полтора ста рублей денег, послал их игумен Варлам в Андому на монастырь сукон покупати и холстов».

В расходной книге отмечен не факт возвращения в казну 200 рублей, а использование 150 из них для монастырских нужд.

Это единственное серьезное замечание, которое мы можем адресовать Е. Б. Французовой в связи с подготовленной ею публикацией документации Соловецкого монастыря, и оно не способно скольконибудь существенно негативно повлиять на оценку рассматриваемой работы, открывающей поистине громадные перспективы для исследования многих вопросов истории России второй половины XVI в. Появление такого издания обусловлено, помимо естественного личного интереса Е. Б. Французовой, ощущаемой потребностью во введении в полноценный оборот подобных материалов и, несомненно, соответствующим образом будет воспринято специалистами в самых различных областях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
- БАН — Библиотека Академии наук
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
- ГКЭ — Грамоты Коллегии экономии
- ДРВМ — Древняя Русь. Вопросы медиевистики
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ЗОР — Записки Отдела рукописей
- ИРЛИ — Институт русской литературы
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- ЛЗАК — Летопись занятий Археологической комиссии
- ОР — Отдел рукописей
- ОФР — Очерки феодальной России
- ПРП — Памятники русского права
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РАН — Российская Академия наук
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РГБ — Российская государственная библиотека
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией
- РНБ — Российская национальная библиотека
- СПБИИ — Санкт-Петербургский Институт истории
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
- PG — *Patrologiae cursus completus / Ed. J.-P. Migne. Series graeca*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бочкарев В. В.</i> К вопросу о законности «посулов» в древнерусском праве XIV–XV вв.	3
<i>Лённгрэн Т. П.</i> (Университет г. Тромсё). Источники Жития Арсения Великого в Великих Минеях Четых	25
<i>Кистерев С. Н.</i> О публикации приходо-расходных книг Соловецкого монастыря последней трети XVI века	40

Научное издание

ВЕСТНИК
«Альянс-Архео»

Вып. 3

Редактор
С. Н. Кистерев

Научное издательство «Альянс-Архео»
Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aarheo@mail.ru

